

В.А. ЖУКОВСКИЙ

УНИЦАМН

В.А. ЖУКОВСКИЙ

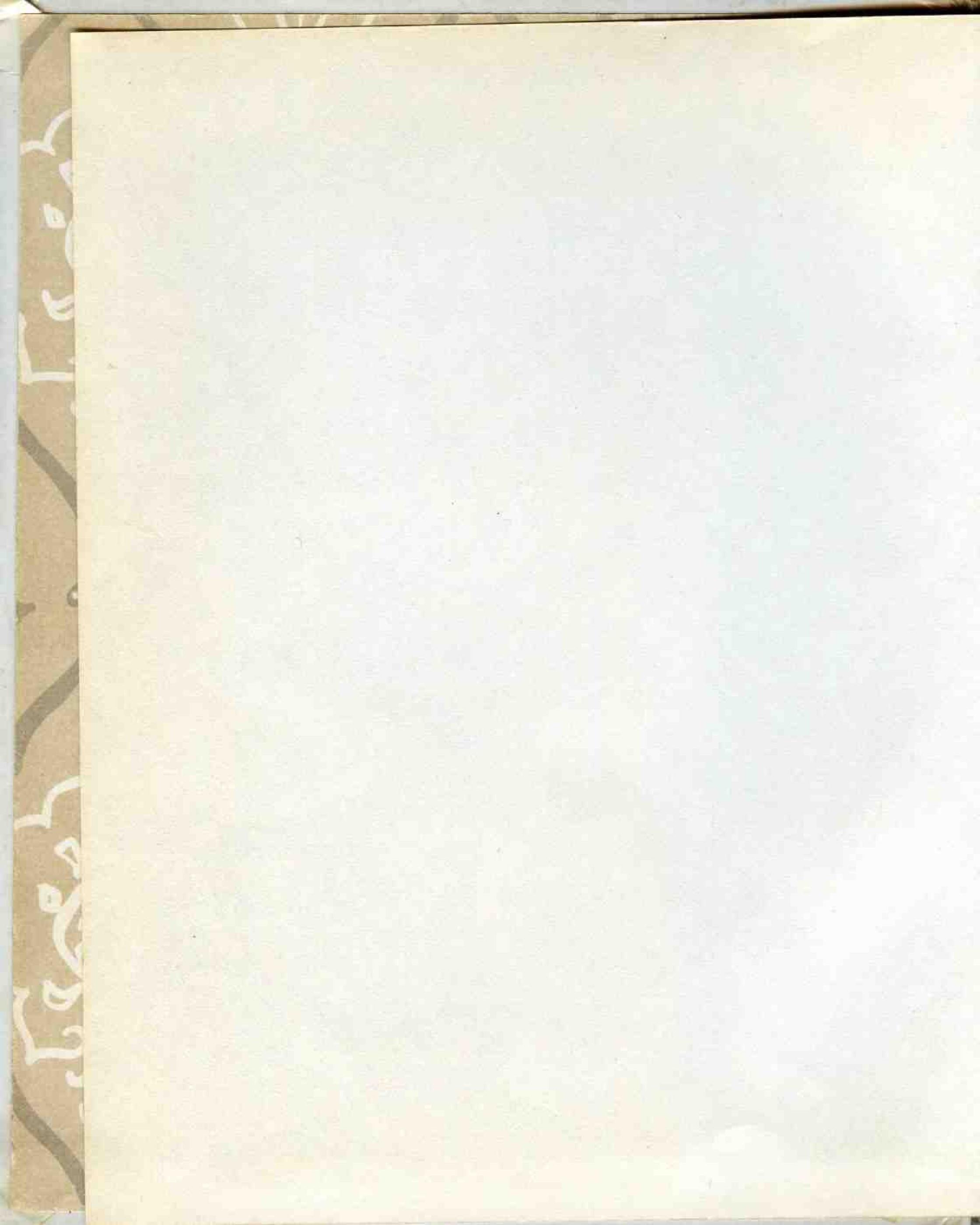
УНИЦАМН

26767S

W

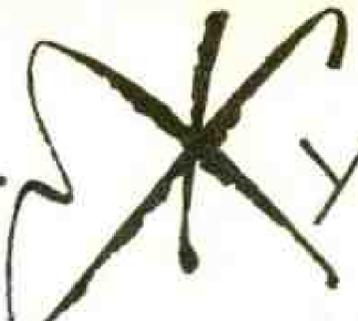
0151

1
86

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1979

В.А. ЖУКОВСКИЙ

 УНИЦЕНА

Старинная повесть

ХУДОЖНИК
ИВАН РУНИ

МОСКВА • «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» • 1979

«ЕГО СТИХОВ ПЛЕНИТЕЛЬНАЯ СЛАДОСТЬ...»

«Победителю-ученику от побежденного учителя» — эти слова стали крылатыми. Их знают все и всяк: когда юный Пушкин написал свою первую поэму «Руслан и Людмила», знаменитый в то время поэт В. А. Жуковский подарил ему свой портрет, сопроводив его этой мужественной надписью. Жуковский понимал, что в литературу русскую пришел талант новый, необычайный, который, подобно солнцу, своим гением осветит ее на века. И действительно, с того дня русский язык, литература и культура взяли такой разбег, что теперь, во второй половине XX века, правильнее будет сказать: не язык Пушкина дожил до наших дней, а более того, это мы — и тем нам следует гордиться! — продолжаем говорить, думать на языке, дарованном России ее великим поэтом.

Но и гений Пушкина возник не вдруг, а на почве, ему уготованной историей. И Пушкин имел своих русских учителей, своих предшественников, когда русская литература на рубеже XVIII и XIX веков, словно воспрянув ото сна, совершила стремительный скачок в свое будущее. Именно с Жуковского и Батюшкова началась тогда новая школа в поэзии, которая позволила им, по образному выражению, «покинуть старинное право ломать смысл, рубить слова для меры и низать полубогатые рифмы», покинуть ради того, чтобы явить читателю русский язык в его истинной певучести, звучности и музыке стиха. Если Жуковский был тем, кто первым внес в нашу литературу романтическое начало, сосредотачиваясь на внутреннем мире человека, то Батюшков явился прямой его противоположностью — в своей классической ясности, определенности, изяществе являясь первым из русских поэтов, для которых сама художественность была как бы преобладающим элементом произведения. Удивительно метко сказал о них Гоголь: «Два разнородные поэта внесли вдруг два разнородные начала в нашу поэзию; из двух начал вмиг образовалось третье: явился Пушкин. В нем середина».

Василий Андреевич Жуковский был одним из образованнейших людей своего времени, что позволило ему, обладая несравненным даром переводчика, сделать доступным для русского читателя многие лучшие образцы немецкой и английской поэзии, что в то время имело особенное значение, так как до него в русской литературе преобладала одна лишь литература французская. Жуковский переводит Шиллера, Уланда, Байрона и многих других поэтов. Однако Жуковский не ограничивается этим: он намного расширяет границы своей деятельности, переводя «Одиссею» — эпическую поэму великого поэта Древней Греции Гомера, восточные поэмы «Наль и Дамаянти» (Индия) и «Рустем и Зораб» (Персия) и т. д. Таким образом, переводческая деятельность Жуковского сыграла в истории литературы огромную роль. Недаром Пушкин называл его «гением перевода», отмечал, что

«никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его».

Одним из запоминающихся поэтических произведений Жуковского является «Ундина», оригинал которой принадлежит сравнительно забытому немецкому писателю Ламотт-Фуке.

Ундина — это морская дева; это волна, которая превращается в человека, но обретает реальное земное существование, душу, если, как говорит старинное предание, ее кто-нибудь полюбит. Так рождается нежной души человек, верный, любящий — Ундина, образ, напоминающий шекспировских Дездемону и Джульетту. Драматическая история любви ее и рыцаря Гульбранда, роковая роль горделивой Бертальды, неистовые усилия стихий, из которых вышла Ундина, чтобы стать человеком, приводят к трагической развязке... Вспомним, ведь мы знаем еще одну близкую к Ундине героиню — андерсеновскую «Русалочку»...

Нет нужды пересказывать «Ундину». Прозрачные и чистые стихи Жуковского сами поведут нас от одного события к другому: едва вчитаешься в поначалу несколько непривычное, неторопливое повествование, как от него уже трудно оторваться. Художник стремится раскрыть идеальные образы героев и, хотя сказка содержит, как то ей положено, элементы таинственного и фантастического, но есть здесь мотивы и сегодня звучащие реалистически и убедительно. Не в знатности и богатстве видит поэт достоинство человека. Надменная Бертальда, узнав, что она на самом деле не дочь герцога и герцогини, а бедного старого рыбака и его жены, отказывается от... родных отца и матери. А вот для Ундины знатность никакого значения не имела, и она считала, что осчастливит Бертальду тем, что нашла ее настоящих родителей. Но мало этого, Жуковский показывает, как его герои уходят из этого надменного «имперского города», уходят навсегда. Это говорит о многом, о широком, близком нам взгляде художника на жизнь, который он выразил в «Ундине», опубликованной, как «старинная повесть из Ламотт-Фуке в стихах Жуковского», то есть в вольном, свободном переводе поэта.

Одно из стихотворений Пушкина, посвященное Жуковскому, говорит:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль.

Прошли года, десятилетия, миновал век... И звучат по-прежнему прекрасные стихи Жуковского: «Певец во стане русских воинов», звучит «Кубок», «Перчатка», сказки, баллады и легенды поэта. Не забыта и «Ундина» — прекрасная, исполненная гуманизма повесть, которую наряду со многими и многими своими произведениями подарил русскому читателю Василий Андреевич Жуковский.

ВИКТОР ВАЖДАЕВ

ГЛАВА I

о том,
как рыцарь
приехал
в хижину
рыбака

Лет за пятьсот и поболее случилось, что в ясный весенний
Вечер сидел перед дверью избушки своей престарелый
Честный рыбак и починивал сеть. Сторона та, в которой
Жил он, была прекрасное место. Луг, где стояла
Хижина, длинной косою входил в широкое лоно
Моря: можно было подумать, что берег душистый
В светло-лазурные, чудно-прозрачные воды с любовью
Нежной теснился, что море, влажной трепещущей грудью
Нежно прижавшись к нему и его обнимая, пленялось
Свежестью шелковой зелени, блеском цветов и прохладой
Темных сеней древесных. Правда, в краю том не много
Было людей: рыбак с женою, и только; дремучий
6 Лес отделял полуостров от твердой земли. И ужасен

Был тот лес своей темнотой неприступной; и слухи
Страшные были об нем в народе; там было нечисто:
Злые духи гнездились в нем и пугали прохожих
Так, что не смели и близко к нему подходить. Но смиренный,
Старый рыбак не боялся враждебных духов; на продажу
Рыбу носил он в город, лежавший за лесом; полон
Набожных мыслей, входил он в его глубину, и ни разу
Там ничего он не встретил, хранимый небесною силой.
Сидя беспечно в тот вечер за неводом, вдруг он услышал
Шум в лесу, как будто бы топот коня и железной
Брони звук; он слушает: шум приближается; робость
Им овладела, и все, что до тех пор в ненастные ночи
Снилось ему о таинственном лесе, представилось разом

Мыслям его; особливо ж один, великанского роста,
Белый, всегда головою странно кивающий. В темный
Лес он со страхом глядит, и ему показалось, что в самом
Деле сквозь черные ветви смотрит кивающий призрак.
Вспомнив, однако, что все никакой еще не случилось
С ним беды ни в лесу, ни в избушке, в которой так долго
Жил он с женою вдвоем, что нечистый над ними не властен,
Он ободрился, прочел молитву, и сделалось скоро
Даже ему и смешно, когда он увидел, какую
Шутку с ним глупая робость сыграла: кивающий образ
Был не что иное, как быстрый ручей, из середины
Леса бегущий и с пеной впадающий в озеро; шум же,
Слышанный им, был от рыцаря: шагом на белом
Бодром коне из чащи лесной он ехал и прямо
К хижине их приближался. Мантией алого цвета
Был покрыт его фиолетовый, золотом шитый,
Стройный колет; на бархатном черном берете вились
Белые перья; висел у бедра на цепи драгоценной
Меч с золотой рукоятью искусной работы; а белый
Рыцарев конь был статен, силен и жив; он, копытом
Легким едва к луговой мураве прикасаясь, воздушной
Поступью шел и, сгибая красивую шею, как лебедь,
Грыз узду, облитую пеной. Старик, пораженный
Видом статного рыцаря, невод покинул и, снявши
Шляпу, смотрел на него с приветной улыбкой. Приблизась,
Рыцарь сказал: «Могу ль я с конем найти здесь на эту
Ночь убежище?» — «Милости просим, гость благородный;
Лучшим стойлом будет коню твоему наш зеленый
Луг, под кровлей ветвистых деревьев; а вкусную пищу
Сам он найдет у себя под ногами; тебе ж мы охотно
Угол очистим в нашем убогом жилище и ужин

8 Скудный с тобою разделим». Рыцарь, кивнув головою,

Спрыгнул с коня, его разнуздал и по свежему лугу
Бегать пустил; потом сказал рыбаку: «Ты охотно,
Добрый старик, принимаешь меня, но когда б и не столько
Был ты сговорчив, то все бы со мной не разделался нынче:
Море, вижу я, здесь перед нами, и дале дороги
Нет никакой; а вечером поздно в этот проклятый
Лес возвращаться избави боже!» — «Не станем об этом
Слишком много теперь говорить», — сказал, озираясь,
Старый рыбак и в хижину ввел усталого гостя.
Там, перед ярким огнем, горевшим в камине и в чистой
Горнице трепетный блеск разливавшим, на стуле широком
С спинкой резною сидела жена рыбака пожилая.
Гостя увидев, старушка встала, ему поклонилась
Чинно и села опять, ему отдать не подумав
Место свое. Рыбак, засмеявшись, сказал: «Благородный
Рыцарь, прошу не взыскать, что хозяйка моя свой покойный
Стул для себя сберегла: у нас такой уж обычай;
Лучшее место всегда старикам уступается». — «Что ты,
Дедушка! — с кроткой усмешкой сказала хозяйка.

— Ведь гость наш,

Верно, такой же христов человек, как и мы, и придет ли,
Сам ты скажи, молодому на ум, чтоб ему уступали
Старые люди лучшее место? Садися, мой добрый
Рыцарь, на эту скамейку, — она продолжала, — да только
Тише сиди, не ворочайся, ножка одна ненадежна».
Рыцарь взял осторожно скамейку, придвинул к камину,
Сел, и сердцу его так стало приятно, как будто б
Был он у милых родных, возвратяся из чужи в отчизну.
Стали они разговаривать. Рыцарь разведать о страшном
Лесе хотел, но рыбак ночью порою боялся
Речь о нем заводить; зато о своей одинокой
Жизни и промысле трудном своем рассказывал много.

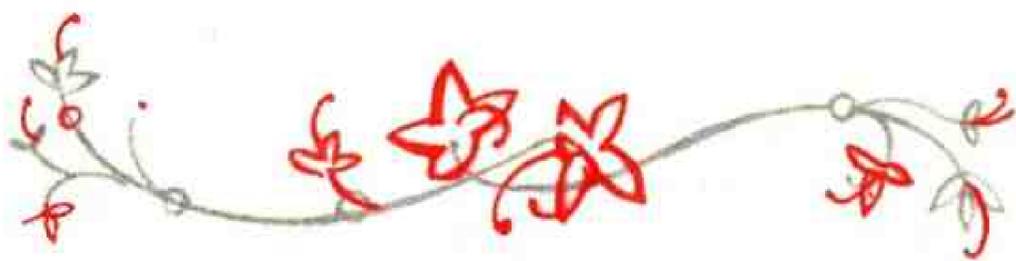
С жадностью слушали муж и жена, когда говорил им
Рыцарь о том, как в разных землях он бывал, как отцовский
Замок его у истоков Дуная стоит, как прекрасна
Та сторона; он прибавил: «Меня называют Гульбрандом,
Имя же замка Рингштеттен». — Так говоря, не однажды
Рыцарь слышал какой-то шорох и плеск за окошком,
Точно как будто водой кто опрыскивал стекла снаружи.
Всякий раз с досадой нахмуривал брови, услышав плесканье,
Старый рыбак; но когда же как ливнем вдруг обдало стекла,
Так, что окно зазвенело и в горницу брызги влетели,
С сердцем вскочил он и крикнул в окошко с угрозой: «Ундина!
Полно проказничать; стыдно; в хижине гости». При этом
Слове стало там тихо, лишь изредка слышен был легкий
Шопот, как будто бы кто потихоньку смеялся. «Почтенный
Гость, не взыщи, — сказал рыбак, возвратившись на место: —
Может быть, шалостей много еще ты увидишь, но злого
Умысла нет у нее. То наша дочка Ундина,
Только не дочка родная, а найденыш; сущий младенец,
Все проказит, а будет ей лет уж осьмнадцать; но сердце
Самое доброе в ней». Покачав головою, старушка
Молвила: «Так говорить ты волён; когда ты усталый
С ловли приходишь домой, то тебе на досуге забавны
Эти проказы; но, с утра до вечера дома глаз на глаз
С нею пробив, от нее не добиться путного слова —
Дело иное; тут и святой потеряет терпенье». —
«Полно, старуха, — рыбак отвечал, — ты бьешься с Ундиной,
Я с причудливым морем: разве не часто мой невод
Портит оно и плотины мои размывает, а все мне
Любо с ним; тоже и ты, хоть порою и охнешь, однако
Все Ундиночку любишь. Не так ли?» — «Что правда,
то правда,

10 Вовсе ее разлюбить уж нельзя», — кивнув головою,

Кротко сказала старушка. Вдруг растворилась настезь
Дверь, и в нее белокурая, легкая станом, с веселым
Смехом впорхнула Ундина, как что-то воздушное. «Где же
Гости, отец? Зачем ты меня обманул?» Но, увидя
Рыцаря, вдруг замолчала она, и глаза голубые,
Вспыхнув звездами под сумраком черных ресниц, устремились
Быстро на гостя, а он, изумленный чудным явлением,
Был как вкопанный, жадно смотрел на нее и боялся
Взор отвести: он думал, что видит сон, и вглядеться
В образ прекрасный спешил, пока он не скрылся. Ундина
Долго смотрела, пурпурные губки раскрыв, как младенец;
Вдруг, востепенувшись резвою птичкой, она подбежала
К рыцарю, стала пред ним на колени и, цепью блестящей,
К коей привешен был меч, играя, сказала: «Прекрасный,
Милый гость, какою судьбой очутился ты в нашей
Хижине? Долго ты по свету должен был странствовать прежде,
Нежели к нам дорогу найти? Скажи, через лес наш
Как ты проехал?» Но он отвечать не успел; на Ундину
Крикнула с сердцем старушка: «Оставь в покое, Ундина,
Гостя; встань и возьмись за работу». Ундина, ни слова
Ей не сказавши в ответ, схватила скамейку и, севши
Подле Гульбранда с своим рукодельем, тихонько шепнула:
«Вот где я буду работать». Старик, притворясь, что не видит
Новой проказы ее, хотел продолжать; но Ундина
Речь перебила его: «У тебя я спросила, мой милый
Гость, откуда приехал ты к нам? Дождусь ли ответа?» —
«Из лесу прямо приехал я, прелесть моя». — «Расскажи же,
Как ты в лесу очутился и что в нем чудного видел?»
Трепет почувствовал рыцарь, вспомнив о лесе; невольно
Он обратил глаза на окошко, в которое кто-то
Белый, ему показалось, глядел; но было в окошке
12 Пусто, за стеклами ночь густая чернела. Собравшись

С духом, рассказ он готов был начать, но старик торопливо
Молвил ему: «Недоброе время теперь нам об лесе
Речь заводить; расскажешь нам завтра». Услышавши это,
С места вскочила Ундина, и глазки ее засверкали.
«Нынче, не завтра он должен рассказывать! Нынче, теперь же!» —
Вскрикнула с сердцем она и, бровки угрюмо нахмутив,
Топнула маленькой ножкою об пол; и в эту минуту
Так забавно мила и прелестна была, что в Гульбранде
Вспыхнуло сердце, и он еще боле пленился смешною,
Детской ее запальчивостью, нежели резвостью прежней.
Но рыбак, рассердясь не на шутку, причудницу начал
Крепко журить за ее упрямство и дерзкую вольность
С гостем. Старушка пристала к нему. Тут Ундина сказала:
«Если браниться хотите со мной, а того не хотите
Сделать, о чем я прошу, так прощайте ж; одни оставайтесь
В вашей скучной, дымной лачужке». С сими словами
Прыгнула в двери она и в минуту во мраке пропала.

ГЛАВА II

о том,
как Ундина
в первый раз
явилась
в хижине рыбака

14 Рыцарь вскочил, за ним и рыбак, и бросились оба
В дверь, чтоб ее удержать, но напрасно: Ундина так быстро
Скрылась, что даже было нельзя догадаться, в какую
Сторону вздумалось ей побежать. Испуганным взором
Рыцарь спросил рыбака: что делать? «Уж это не в первый
Раз, — рыбак проворчал: — такими побегами часто
Нас забавляет она; теперь опять мне придется
Целую ночь напролет без сна проворочаться с боку
На бок на жесткой постеле моей: ведь мало ль, что может
Встретиться ночью!» — «Зачем же медлить? Пойдем поскорее
Сами за нею». — «Труд бесполезный; ты видишь, какая
Тьма на дворе: куда мы пойдем? И кто угадает,

Где она спряталась?» — «Будем по крайней мере, — прибавил Рыцарь, — хоть кликать ее». И кричать он начал: «Ундина! Где ты, Ундина?» Старик покачал головою: «Как хочешь, Рыцарь, кричи, она не откликнется нам, а, уж верно, Где-нибудь близко сидит; еще ты не знаешь, какая Это упрямица». Так говоря, старик с беспокойством В темную ночь глядел и не мог утерпеть, чтоб туда же Вслед за Гульбрандом не крикнуть: «Ундиночка! милая! где ты?» Правду, однако, он предсказал: никакой там Ундины Не было. Долго кричав понапрасну, они, наконец, возвратились Оба в хижину; там уж было темно, и старушка, Менее мужа о том, что с Ундиной случится, заботясь,

Спать улеглась, и в камине огонь, догоревши, потухнул;
Только немногие уголья тлели, и синее пламя,
Изредка вспыхнув, трепещущий свет разливало и гасло.
Снова разведши огонь, рыбак наполнил большую
Кружку вином и поставил ее перед гостем. «Мы оба,
Рыцарь, едва ли заснем; так не лучше ли будет, когда мы,
Вместо того чтоб в бессоннице жесткой рогожей
Грешное тело тереть, посидим у огня и за доброй
Кружкой вина о том и другом побеседуем? Как ты
Думаешь, добрый мой гость?» Гульбранд согласился охотно.
Сесть принудив его на почетном оставленном стуле,
Честный старик поместился с ним рядом, и вот дружелюбно
Стали они разговаривать; только при каждом малейшем
Шорохе — стукнет ли что в окошко, и даже нередко
Просто без всякого стука и шороха — вдруг умолкали
Оба и, палец поднявши, глаза неподвижно уставив
В двери, слушали; каждый шептал: идет! и не тут-то
Было; не шел никто; и, вздохнувши, они начинали
Снова свой разговор. «Расскажи мне, — сказал напоследок
Рыцарь, — как вам случилось найти Ундину?» — «А вот как
Это случилось, — рыбак отвечал: — тому уж двенадцать
Будет лет, как я с товаром моим через этот
Лес был должен отправиться в город; жену я оставил
Дома, как то бывало всегда, а в то время и нужно
Было ей дома остаться. Зачем, ты спросишь? Господь нам
В поздние наши лета даровал прекрасную дочку;
Как же было покинуть ее? Товар мой продавши,
Я возвращался домой, и, солгать не хочу, не случилось
Мне ничего, как и прежде, в лесу недоброго встретить;
Бог мне сопутствовал всякий раз, когда через этот
Страшный лес мне итти удавалось: а с ним и опасный
Путь не опасен». При этом слове старик с умиленным

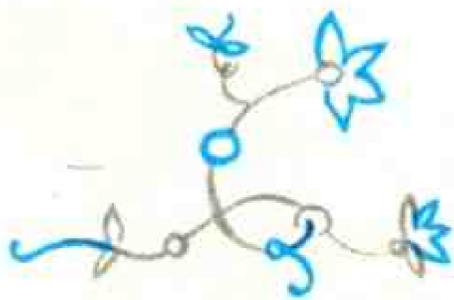
Видом шапочку снял с головы и, руки сложивши,
В набожных мыслях минуты на две умолкнул; потом он
Шапочку снова надел и так продолжал: «Я с веселым
Сердцем домой возвращался, а дома ждало несчастье:
Вся в слезах навстречу ко мне жена прибежала.
«Царь небесный! что случилось? — я воскликнул. — Где наша
Дочка?» — «Она у того, чье имя ты в эту минуту,
Бедный мой муж, призываешь», — жена отвечала. И молча,
Горько заплакав, пошел я за нею в хижину; тела
Милой малютки моей я глазами искал там, но тела
Не было. Вот как это случилось: с нашим младенцем
Подле воды на траве жена спокойно сидела;
С ним в беззаботном веселье играла она; вдруг малютка
Сильно к воде протянулась, как будто чудесное что-то
В светлых приметя струях; и видит жена, что наш милый
Ангел смеется, ручонками что-то хватая; но в этот
Миг как будто какой невидимой силой швырнуло
В волны дитя, и в их глубине бедняжка пропала.
Долго я тела искал, но напрасно, нигде и приметы
Не было. Вот мы, на старости две сироты, в безотрадном
Горе сидели в тот вечер вдвоем у огня и молчали:
Если б и можно было от слез говорить, то не стало б
Духу; и так мы оба молчали, глаза устремивши
В тусклый огонь; как вдруг в дверях послышался легкий
Шорох; они растворились — и что же видим мы? Чудной
Прелести девочка, лет шести, в богатом уборе,
Нам улыбаясь как ангел, стоит на пороге. Сначала
Мы в изумленье не знали, живой ли то был человек,
Или обманчивый призрак какой; но скоро заметил
Я, что вода с золотых кудрей и с платья малютки
Капала; я подумал, что, верно, младенец недавно
Был в воде и что скорая помощь нужна. И, вздохнувши,

Так сказал я жене: «Никто не подумал спасти нам
Милое наше дитя; по крайней мере мы сами
Сделаем то для других, чего не могли нам другие
Сделать и что на земле блаженством было бы нашим».
Мы раздели малютку, ее положили в постель и напиться
Дали горячего ей; а она все молчала и только,
Светлонебесными глазками глядя на нас, улыбалась.
Скоро заснула она и свежа, как цветочек весенний,
Утром проснулась; когда ж мы расспрашивать стали, откуда
Родом она и как попала к нам в хижину, толку
Не было в странных ответах ее никакого; и вот уж
Ровно двенадцать лет, как с нами живет, а добиться
Путного мы не могли от нее ничего; по рассказам
Вздорным ее подумать легко, что она к нам упала
Прямо с луны: о каких-то замках прозрачных, жемчужных
Гротах, коралловых рощах и разных других небылицах
Все твердит и теперь, как твердила тогда; удалось
Выведать только одно, что, катаясь по морю в лодке
С матерью, в воду упала она и что волны на здешний
Берег ее принесли, где она и очнулась... В сомненье
Тяжком остались мы: хотя и было не трудно
Нам решиться на место родной потерянной дочки
Взять чужую, нам данную богом самим; но не знали
Мы, крещена ли она, иль нет? Сказать же об этом
Нам ничего не умела бедняжка, хотя и понятно
Было ей, что она жила по воле господней
В здешнем свете, хотя и была смиренно готова
Все то исполнить, что с волей господней согласно. И вот что
Мы в таком затрудненье придумали вместе с женою:
Если она еще не была крещена, то не должно
Медлить минуты; а если уже крещена, то и дважды
Долг святой совершить не будет греха. Но какое

Дать ей имя? И в ум нам пришло, что ее Доротеей
Было б всего приличней назвать: мы слышали, что значит
Это имя *дар божий*, она же была милосердным
Господом богом дарована горести нашей в отраду.
Но об имени этом она и знать не хотела. «Ундиной
Звали меня отец мой и мать; хочу и остаться
Вечно Ундиной!» Но было ли то христианское имя,
Мы не знали. И вот я пошел за священником в город;
Он согласился прийти к нам; сначала имя Ундины
Было противно ему, как и нам; но наша малютка,
В платице странном своем, была так чудесно красива,
Так ласкалась к нему и в то же время так мило,
Так забавно спорила с ним, что сам он не в силах
Был противиться ей, — и ее окрестили Ундиной.
Сладостно было смотреть на нее в продолжение святого
Таинства: дикая резвость исчезла, и тихим, смиренным
Агнцем стояла она, как будто бы чувствуя, что с ней
В это время творилось. Правду молвить, немало
С нею хлопот нам, и если бы все рассказать мне...» Но рыцарь
Тут перервал рыбака; он шепнул: «Послушай! послушай!
Что там?» Не раз уж во время рассказа был он встревожен
Шумом воды; но в эту минуту был явственно слышен
Рев потока, который бежал с возрастающей силой
Мимо хижины. Оба вскочили и бросились в двери;
В месячном свете открылося им, что ручей, выходящий
Из леса, сильно разлившись, ворочая камни, ломая
С треском деревья, в море бежал; и было все небо,
Так же как море, взволновано; тучи горами катились
Мимо луны, поминутно ее заслоняя, и чудно
Вся окрестность под блеском и тьмой трепетала; при свисте
Вихря было внятно, как море свирепое голос
Свой воздымало и как, скрипя от вершины до корня,

Гнулись и шумно сшибались ветвями деревья. «Ундина!..
Царь мой небесный!.. Ундина!» — старик закричал; но ответа
Не было. Оба тогда побежали, забывши о буре,
Каждый своею дорогою к лесу, и громко при шуме
Ветра в ночной глубине раздавалось: «Ундина! Ундина!»

ГЛАВА III

о том,
как была
найдена Ундина

Странное что-то чувствовал рыцарь, скитаясь во мраке
Ночи, под шумом бури, один, в бесполезном исканье:
Снова стало казаться ему, что Ундина лишь призрак,
В темном лесу его обманувший, была; и при свисте
Вихря, при громе воды, при треске деревьев, при чудном
Всей за минуту столь мирно-прекрасной страны превращенье
Начал он думать, что море, луг, источник, рыбацья
Хижина, старый рыбак и все, что с ним ни случилось,
Было обман; но жалобный крик старика, зовущий Ундину,
Все ему издали слышался. Вот, наконец, очутился
Он на самом краю лесного ручья, который в разливе
Бурном своем бежал широкою мутной рекою,
22 Так, что от леса отрезанный мыс, на котором стояла

Хижина, сделался островом. «Боже! — рыцарь подумал. —
Что, когда Ундина отважилась в лес, и назад ей
Нет оттуда дороги, и там у злых привидений
Плачет она одна в темноте?» От ужаса вскрикнув,
Он поспешно поднял с земли огромный дубовый,
Бурей оторванный сук, чтоб, держась за него, перебраться
В лес через воду. Хотя и сам он дрожал, вспоминая
Все, что там видел прошедшим днем; хотя и казалось
В эту минуту ему, что стоял там, ровен с деревьями,
Белый, слишком знакомый ему великан и, оскалив
Зубы, кивал ему головою, — но самый сей ужас
Только что с большею силою влек его в лес: там Ундина
В страхе, одна, без защиты была. И вот уж ступил он

Смелой ногою в кипучую воду, как вдруг недалеко
Сладостный голос сказал: «Не ходи, не ходи, берегися
Злого потока; старик сердит и обманчив». Знакомы
Рыцарю были прелестные звуки; они замолчали;
Он же стоял в воде, озирался и слушал; но месяц
Темной задернуло тучей, и волны быстро неслися,
Ноги его подмывая, и он, через силу держася,
Был как в чаду, и кружилась его голова; и глазами
Долго искав в темноте, наконец он воскликнул: «Ундина!
Ты ли? Где ты? Если не хочешь явиться, я брошусь
Сам в поток за тобой; откликнись; мне лучше погибнуть,
Нежели быть без тебя». И глубже в воду пошел он.
Тот же голос и так же близко сказал: «Оглянися!»
В эту минуту вышел месяц из тучи, и рыцарь
В блеске его увидел Ундину. Был маленький остров
Подле берега быстрым разливом ручья образован;
Там, под навесом деревьев густых, в траве угнездившись,
Призраком светлым сидела Ундина. Было нетрудно
В этом месте поток перейти, и Гульбранд очутился
Вмиг близ Ундины на мягкой траве; она ж, приподнявшись,
Руки вокруг шеи его обвила и его поневоле
Рядом с собой посадила. «Теперь ты расскажешь мне, милый,
Повесть свою, — шепнула она: — мы одни; старики нас
Здесь не услышат и скучным своим ворчаньем не могут
Нам помешать; а эта густая древесная кровля
Стоит их хижины дымной». — «Здесь рай, Ундина!» —

воскликнул

Рыцарь, прижавши ко груди ее с поцелуем горячим.
В эту минуту рыбак, проискавши напрасно Ундину,
К месту тому подошел и увидел их с берега. «Рыцарь! —
Он закричал, — непохвальное дело ты делаешь; нами
Был ты доверчиво принят; а ты теперь, обнимаясь

С нашей дочкой, шепчешься с нею тайком и оставил
В страхе меня, старика, одного по-пустому за нею
Бегать в потемках». — «Я сам, — отвечивал рыцарь, — лишь
только

В эту минуту встретился с нею». — «Тем лучше; скорее ж
Оба ко мне перейдите сюда на твердую землю».

Но Ундина о том не хотела и слышать; и лучше
В страшный лес она соглашалась с милым, прекрасным
Гостем пойти, чем в несносную хижину, где не хотели
Делать того, о чем просила она, и откуда

Рано иль поздно прекрасный гость удалится. Прижавшись
Крепко к нему, она гармонически, тихо запела:

«В душной долине волна печально трепещет и бьется;
Влившись в море, она из моря назад не польется».

Горько заплакал рыбак, услышав ту песню; ее же
Слезы его как будто не трогали: к рыцарю с детской
Лаской она прижималась. Но рыцарь сказал ей: «Ундина,
Разве не видишь, как плачет отец? Не упрямясь ж; нам
должно,

Должно к нему возвратиться». В немом изумленьи Ундина

Быстро свои голубые глаза на него устремила,
Кротко сказала потом: «Когда ты так думаешь, милый,
Я согласна». И с видом покорным, глаза опустивши,

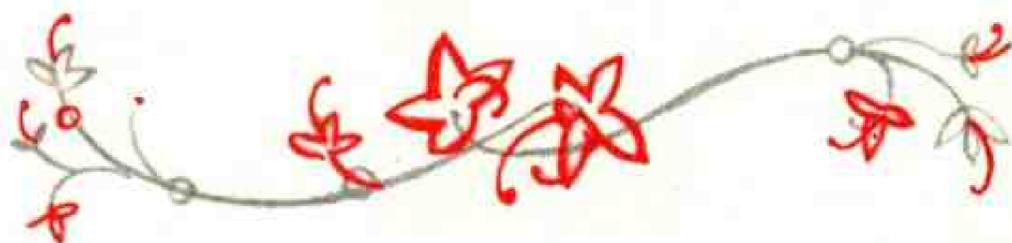
Встала она; и, на руки взявши ее, безопасно
Рыцарь поток перешел. Старик со слезами на шею
Кинулся к ней и в радости был как дитя; прибежала
Скоро к ним и старушка; свою возвращенную дочку

Нежно они целовали; упреков не было; в добром
Сердце Ундины все также утихло, и их обнимала
С лаской сердечной она, просила прощенья, смеялась,
Плакала, милые все имена им давала. А утро

26 Тою порой занялось, и буря умолкла, и птицы

Начали петь на свежих, дождем ожемчуженных ветках;
Стало светло, и опять приступить принялася Ундина
К рыцарю с просьбой, чтоб начал рассказ свой. И так
согласились

Завтрак принести под деревья. Ундина проворно уселась
Подле Гульбрандовых ног на траве; другого же места
Выбрать никак не хотела; и рыцарь рассказывать начал.

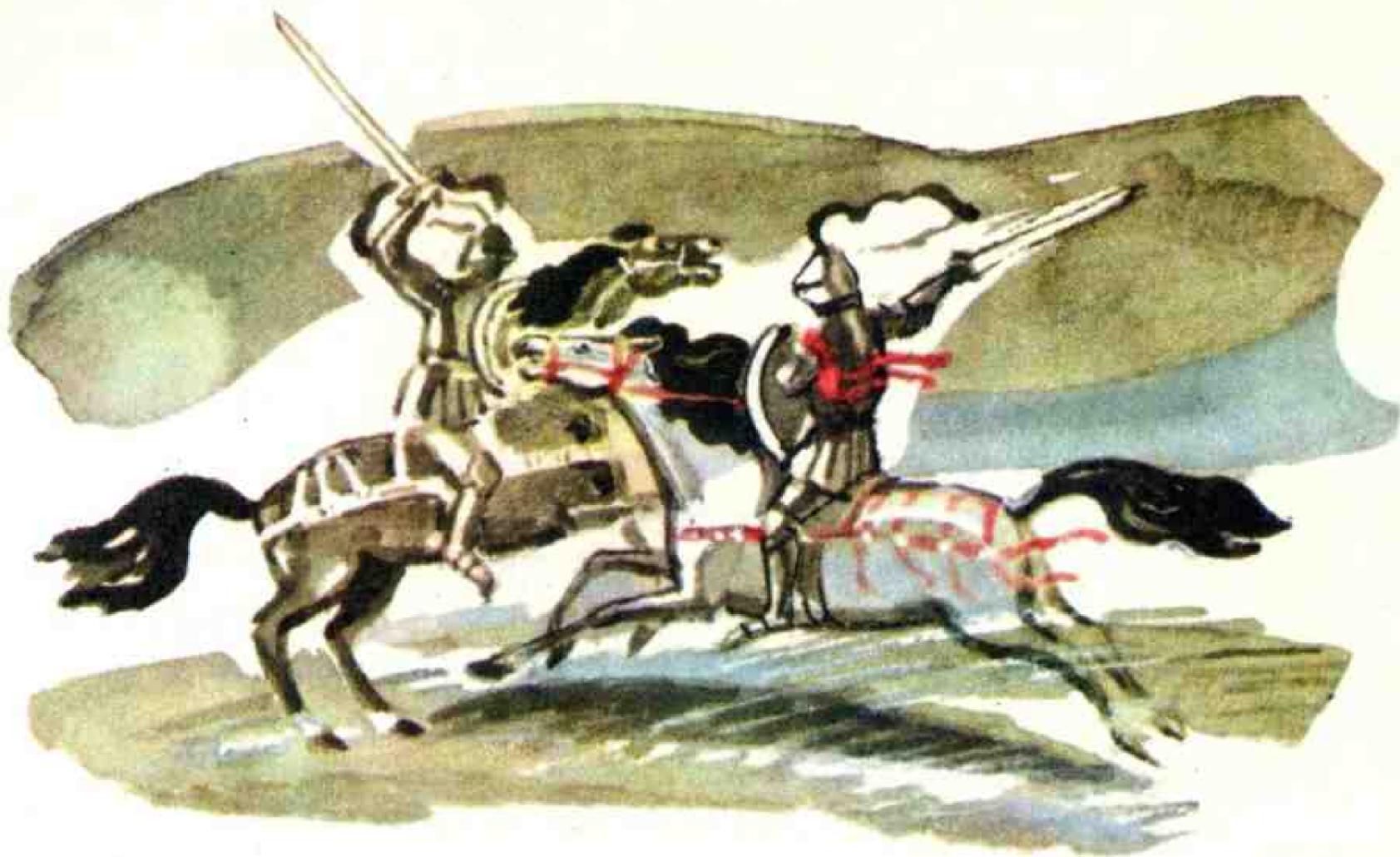

ГЛАВА IV

о том,
что случилось
с рыцарем
в лесу

«Вот уж боле недели, как я в тот вольный имперский Город, который лежит за вашим лесом, приехал; Там был турнир, и рыцари копьё ломали усердно, Я не щадил ни себя, ни коня. Подошедши к ограде Поля, дабы отдохнуть от веселой работы, я шлем свой Снял и отдал его щитonosцу; и в эту минуту Вижу на ближнем алтане девицу, в богатом уборе, Чудной прелести. Это была молодая Бертальда — Мне сказали — питомица знатного герцога, в ближнем Замке живущего. Мне показалось, что с ласковым видом Смотрит она на меня, и во мне загорелась двойная Бодрость; усердно бился я прежде, но с этой минуты Дело пошло уж иначе. А вечером с нею одною

Я танцевал; и так продолжалось во все остальные Дни турнира». В эту минуту почувствовал рыцарь Сильную боль в опущенной левой руке; оглянувшись, Видит он, что Ундина, жемчужными зубками стиснув Палец ему, сердито нахмурила бровки, и в глазках, Ярко светившихся, бегали слезки; потом, на Гульбранда С грустным упреком взглянув, она ему погрозила Пальцем; потом вздохнула, потом наклонила головку. Рыцарь, смутившись, умолк на минуту; потом он рассказ свой Так продолжал: «Бертальда прекрасна, нельзя не признаться; Но чересчур уж горда и причудлива; мне во второй раз Нравилась мене она, чем в первый, а в третий раз мене, Чем во второй. Однако мне показалось, что боле Всех других я замечен был ею, и это мне льстило.

Вот мне вздумалось в шутку ее попросить, чтоб перчатку
Мне свою подарила она. «Подарю, — отвечала
С гордой усмешкой Бертальда, — если осмелишься, рыцарь,
Съездить один в заколдованный лес наш и верные вести
Мне принесешь о том, что в нем происходит». Перчатка
Мне дорога не была; но было бы рыцарю стыдно
Вызов такой от себя отклонить, и я согласился». —
«Разве тебя не любила она?» — спросила Ундина.
«Я ей нравился, — рыцарь ответствовал, — так мне казалось». —
«О! так она сумасшедшая, — вскрикнула громко Ундина,
С радостным смехом захлопав в ладоши. — Кто ж не безумный
С милым себя разлучит и его добровольно в волшебный
Лес на опасное дело пошлет? От меня б не дождался
Этот лес такой неслыханной почести». — «Рано
Утром вчера, — продолжал Гульбранд, улыбнувшись Ундине, —
Я отправился в путь. Спокойно сияли деревья
В блеске зари, полосами лежавшем на зелени дерна;
Было свежо; благовонные листья так сладко шептались;
Все так манило под сумрак прозрачный, что я поневоле
Злился на глупых людей, которым страшилища в райском
Месте таком могли померещиться. Въехал я в чащу;
Мало-помалу все стало пустынно и тихо; густея,
Лес предо мной и за мною сдвигался, как будто хватая
Тысячью рук волшебных меня. Опасаясь возвратный
Путь потерять, я коня удержал: посмотреть, высоко ли
Было солнце, хотел я; глаза подымаю и что же
Вижу? Черное что-то копышется в ветвах дубовых.
Я подумал, что то был медведь; обнажаю поспешно
Меч. Но вдруг человеческим голосом, диким, визгливым,
Мне закричали: «Кстати пожаловал; милости просим;
Мы уж и веток сухих наломали, чтоб было на чем нам
Вашу милость изжарить». Потом, с отвратительно-диким

Смехом оскаливши зубы, чудовище так зашумело
Ветвями дуба, что конь мой, шарахнувшись, бросился мимо
Вскачь, и я не успел разглядеть, какой там гнезился
Дьявол». При имени этом рыбак и старушка с молитвой
Перекрестились; Ундина ж тихонько шепнула: «Всего здесь
Лучше, по-моему, то, что ты не изжарен, мой милый
Рыцарь, и то, что ты с нами. Рассказывай далее». — «Конь мой
Мчался как бешеный, — рыцарь сказал, — им владеть не имел я
Силы; вдруг перед нами стремнина, и скачет со мной он
Прямо в нее; но в самое ж это мгновение кто-то
Длинный, огромный, седой, перерезавши нашу дорогу,
Вдруг перед диким конем повалился, и конь, отшатнувшись,
Стал, и снова я им овладел. Озираюся — что же?
Мой спаситель был не седой великан, а блестящий
Пенный ручей, бежавший с холма». — «Благодарствую, милый,
Добрый ручей», — закричала, захлопав в ладоши, Ундина.
Тяжко вздохнув и нахмурясь, рыбак покачал головою;
Рыцарь рассказывал далее: «Собрав повода, укрепился
Я на седле. Вдруг вижу, какой-то стоит человечек
Рядом с конем, отвратительный, грязный горбун, земляного
Цвета лицо, и нос огромный такой, что, казалось,
Был он длиною со все остальное тело уroda.
Он хохотал, оскаливал зубы, шаркал ногами,
Гнулся в дугу. Я его оттолкнул и, коня повернувши,
Был готов пуститься в обратный путь (уж склонилось
Солнце, покуда я мчался, далеко за полдень); но карлик,
Прянув как кошка, дорогу коню заслонил. «Берегися, —
Я закричал, — раздавлю». Но урод, исковеркавшись снова,
Начал визжать: «Сперва заплати за работу; ты в пропасть
Вместе с конем бы слетел, когда бы не я подвернулся». —
«Лжешь ты, кривляка, — сказал я, — не ты, а этот источник
Нас сохранил от паденья. Но вот тебе деньги; оставь нас,

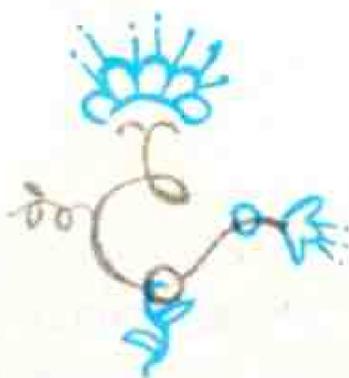

Дай дорогу». И, бросив одну золотую монету
В шапку уроду, поехал я шибче; но снова явился
Рядом со мной он: я шпору коня; конь скачет, но сбоку
Скачет и карлик, кривляясь, коверкаясь, с хохотом, с визгом,
Высунув красный с локоть длиною язык. Чтоб скорее
С ним развязаться, бросаю опять золотую монету
В шапку ему; но, с хохотом диким оскаливши зубы,
Начал кричать он: «Поддельное золото! золота много
Есть у меня! погляди! полюбуйся!» И в эту минуту
Мне показалось, что вдруг просветлела земная утроба;
Дерн изумрудом прозрачным сделался; взор мой свободно
Мог сквозь него проникать в глубину; и тогда мне открылась
Область подземная гномов: они гомозились, роились,
Комкались в клубы, вились, развивались, сгребали металлы,
Сыпали в кучи рубин, и сапфир, и смарагд и пускали
Вихри песка золотого друг другу в глаза. Мой сорпутник
Быстро метался то вниз, то вверх; и ему подавали
Слитки огромные золота; мне показав их со смехом,
Каждый он в бездну бросал, и, из пропасти в пропасть со звоном
Падая, все в глубине исчезали. Тогда он монету,
Данную мною, швырнул с пронзительным хохотом в бездну;
Хохотом, шиканьем, свистом ему отвечали из бездны.
Вдруг взгомозились все и, толпяся, толкаясь, полезли
Кверху, когтистые, пылью металлов покрытые пальцы
Все на меня растопорщив; вся пропасть, казалось, кипела;
Куча за кучей, гуще и гуще, ближе и ближе...
Ужас меня одолел; дав шпоры коню, без оглядки
Я поскакал... и не знаю, долго ль скакал; но, очнувшись,
Вижу, что нет никого; привиденья исчезли; прохладно
Было в лесу, и вечер уже наступил. Сквозь деревья
Бледно мелькала тропинка, ведущая из лесу в город.
34 Взъехать спешу я на эту тропинку; но что-то седое,

Зыбкое, дым не дым, туман не туман, поминутно
Вид свой меняя, стало меж ветвей и мне заслонило
Путь; я пытаюсь объехать его, но куда ни поеду,
Там и оно; рассердившись, скачу напролом; но навстречу
Прыщет мне пена, и ливнем холодным я обдан, и рвется
Конь мой назад; ослеплен, промочен до костей, я бросаюсь
Вправо и влево, но все не могу попасть на тропинку,
Белый никак на нее не пускает меня. Попытаюсь
Ехать обратно — за мной по пятам он, но смирен и волю
Путь продолжать мне дает; но лишь только опять на тропинку
Взъеду — он тут, и опять заслоняет ее, и холодной
Пеной меня обдает. Наконец поневоле я выбрал
Ту дорогу, к которой меня он теснил так упорно;
Он унялся, но все от меня не отстал и за мною
Бледно-туманным столбом подвигался; когда же случилось
Мне оглянуться, то чудилось мне, что этот огромный
Столб с головой, что в меня упирались тускло и зорко
С чудным каким-то миганьем глаза и кивала
Всякий раз голова, как будто меня понукая
Ехать вперед. Но порою мне просто казалось, что этот
Странный гонитель мой был лесной водопад. Наконец я,
Выехав из лесу, здесь очутился и встретился с вами,
Добрые люди. Тогда пропал и упрямый мой спутник».
Рыцарь кончил рассказ свой. «Мы рады тебе, благородный
Гость наш, — сказал рыбак, — но пора и о том нам подумать,
Как бы тебе возвратиться в город». Ундина, услышав
Эти слова, начала про себя тихомолком смеяться
С видом довольным. То рыцарь заметив сказал ей: «Ундина,
Разве ты рада разлуке со мною? Чему ты смеешься?» —
«Я уж знаю чему, — отвечала Ундина. — Отведай
Этот сердитый поток переплыть — верхом иль на лодке,
36 Как угодно — ан нет, не удастся! а морем... давно я

Знаю, что этого сделать нельзя; и отец недалеко
В море уходит с лодкой своею. Итак, оставайся
С нами, рад ли, не рад ли. Вот чему я смеюся».
Рыцарь с улыбкою встал, чтоб видеть, так ли то было,
Что говорила Ундина; встал и рыбак; а за ними
Вслед и она. И подлинно, все опрокинуто было
Бурей в лесу; поток разлился, и стал полуостров
Островом. Рыцарь не мог о возврате и думать, и должен
Был поневоле он ждать, пока в берега не вольется
Снова поток. Возвращаясь в хижину рядом с Ундиной,
Он ей шепнул: «Что скажешь, Ундиночка? Рада ль, что с вами
Я остаюсь?» — «Полно, полно, — она проворчала,
Бровки нахмурив, — не вздумай тебя укусить я за палец,
Ты бы не то рассказал нам об этой несносной Бертальде».

ГЛАВА V

о том,
как рыцарь
жил у рыбака
в хижине

38

Может быть, добрый читатель, тебе случалось в жизни,
Долго скитавшись туда и сюда, попадать на такое
Место, где было тебе хорошо, где живущая в каждом
Сердце любовь к домашнему быту, к семейному миру
С новою силой в тебе пробуждалась; и снова ты видел
Край родимый; и все обаяния младости, блага
Первой, чистой любви на могилах минувшего снова
В прежней красе расцветали, и ты говорил, отдыхая:
Здесь живется сладко, здесь сердцу будет уютно.
Вспомнив такую минуту, когда очарованной думой
Ты обнимал безыменное, тайное счастье земное,
Ты, читатель, поймешь, что должен был чувствовать рыцарь,
Вдруг поселившись в этом пределе, далёко от света.

Часто он с радостью тайной смотрел, как поток, свирепея,
День ото дня расширялся, и остров все дале и дале
В море входил, разлучаясь с твердой землею; казалось,
Мир кончался за ним. На сердце рыцаря стало
Тихо, светло и легко. Рыбак был мудрец простодушный;
Зная людей, изведав тревоги житейские, бывши
Ратником сам в молодых годах, на досуге он много
Мог рассказать про войну и про счастье, несчастье земное;
Словом, он был живая летопись; время без скуки
Шло в разговорах меж старцем отжившим и юношей, полным
Пламенной жизни: мудрость смиренная, прямо из жизни
Взятая здравым рассудком и верою в бога, вливалась
В душу Гульбранда и в ней поселяла блаженную ясность.

Бодрый старик промышлял по-прежнему рыбною ловлей;
Был не без дела и рыцарь: в хижине, к счастью, нашелся
Старый доспех рыбака, самострел; его починивши,
С ним ежедневно рыцарь ходил на охоту; а вечер
Вместе все перед ярким огнем проводили, и полный
Кубок тогда частенько постукивал в кубок: в запасе
Было вино, и нередко с ним длилась беседа до поздней
Ночи. Но мирной сей жизни была душою Ундина.
В этом жилище, куда суеты не входили, каким-то
Райским виденьем сияла она: чистота херувима,
Резвость младенца, застенчивость девы, причудливость Никсы,
Свежесть цветка, порхливость Сильфиды, изменчивость струйки.
Словом, Ундина была несравненным, мучительно-милым,
Чудным созданием; и прелесть ее пронизала, томила
Душу Гульбранда, как прелесть весны, как волшебство
Звуков, когда мы так полны болезненно-сладкою думой.
Но вертлявый, проказливый нрав и смешные причуды Ундины
Были подчас и докучливой мукой; зато и журили
Крепко ее старики; и тогда шалунья так мило
Дулась на них, так забавно ворчала; потом так сердечно
С ними, раскаясь, мирилась; потом проказила снова, и снова
Ей доставалось; и все то было волшебною, тайной
Сетью, которою мало-помалу опуталось сердце
Рыцаря. С нею он стал неразлучен; с каждою мыслью,
С каждым чувством слилася Ундина. Но, им обладая,
Той же силе она и сама покорялась; хотя в ней
Все осталось по-прежнему, резвость, причуды, упрямство,
Вздорные выдумки, детские шалости, взбалмошный хохот,
Но Ундина любила — любила беспечно, как любит
Птичка, летая средь чистого неба. Старик и старушка,
Видя Ундину и рыцаря вместе, невольно привыкли
40 Их почитать женихом и невестой. И рыцарю также

Часто на мысль приходило, что в мир для него невозвратно
Вход загражден, что с людьми никогда уж ему не встречаться.
Если ж случалось, что рыцарев конь, на свободе бродивший
По лугу, ржаньем своим его пробуждал и как будто
Спрашивал: скоро ли в битву? иль если ему попадался
Брошенный щит на глаза, иль праздно на стенке висевший
Меч, ненароком сорвавшись с гвоздя, из ножен выдвигался
В звонком паденье — дума о славе и подвигах бранных
Душу его шевелила. Но в этой тревоге себя он
Тем утешал, что возврат для него невозможен; к тому же
Мнилось ему, что Ундина была рождена не для низкой
Доли; и, словом, он верил, что все то не случай, а божий
Промысел было. И так один за другим неприметно
Дни уходили, ясные, тихие. Но и в спокойном
Этом быту напоследок случилось расстройство: привыкли
Каждый вечер рыбак и рыцарь, отужинав, с полным
Кубком час-другой проводить в разговоре радушном;
Вдруг не достало вина: запас рыбака небогатый
Вышел; а нового взять было негде. Наморщив
Лбы, сидели Гульбранд и рыбак за столом; а Ундина,
Глядя на них, умирала со смеху. Скучен и долог
Был тот вечер, и рано все разошлись. На другой день
Около ужина вышла Ундина из хижины. «Вы мне
Оба несносны, — сказала она, — не хочу я на ваши
Длинные лица смотреть и слушать вашу зевоту».
С этим словом захлопнула двери и скрылась. А вечер
Был ненастен, ветер шумел, и море сердилось.
В страхе рыбак и рыцарь вскочили, вспомнив, как в первый
Раз они перепуганы были Ундиной. Но только
В двери за нею они собрались побежать, как Ундина
Им навстречу явилась сама. «За мною! за мною
Все! — закричала она, — гостинец прислало нам море;

Бочка, и, верно, с вином, лежит на песке». За Ундиной
Все пошли, и подлинно бочка нашлася; поспешно
Рыцарь, старик и с ними Ундина ее покатили
К хижине; буря сбиралась; сквозь сумерки было
Видно, как на море волны свои подымали седые
Головы, дождь вызывая из туч; и тучи бежали
Шибко и шумно, как будто грозясь напасть на идущих;
Вот уж начали сыпаться первые капли. Ундина
Вдруг повернула головку и, пальчик поднявши, сердито
Им погрозила туче и ей закричала: «Смотри ты,
Туча, не смей замочить нас; еще нам далёко до дома».
С сердцем рыбак ей сказал: «Уймися, Ундина, грех!»
И, умолкнув,

Стала она про себя потихоньку смеяться. Однако
Засухо все добралися до места; но только успели
Бочку под кровлю поставить и вскрыть и отведать, какое
Было вино в ней, как дождь проливной зашумел, зашаталась
С скрипом деревья, и море дико завывало. Но бурю
В хижине скоро забыли; за полными кружками снова
Ум разогрелся, и ожили шутки; и этой беседе
Прелесть двойную давал огонек, всегда столь приятный
В теплом приюте, при шуме ветра и моря, во время
Ночи ненастной. Но вдруг старик, как будто что вспомнив,
Стал задумчив; потом, помолчавши минуту, сказал он:
«Царь небесный, помилуй нас грешных! мы здесь на досуге
Шутим и этим прекрасным вином веселимся; а бедный
Прежний хозяин его, быть может, погиб и, волнами
Брошенный бог весть куда, лишен погребенья». При этом
Слове Ундина с лукавой усмешкой подвинула кружку
К рыцарю. «Пей, не бойся», — она прошептала. Но рыцарь
За руку взял старика и воскликнул: «Я честью клянуся,
Если б могли мы его отыскать и спасти, то ночная

Буря помехою мне не была бы; с опасностью жизни
Я бы на помощь к нему побежал; зато обещаюсь,
Если когда возвращуся в край обитаемый, вдвое,
Втрое ему иль детям его заплатить за прекрасный
Этот напиток, который без воли его нам достался».
Добрый старик кивнул головою в знак одобренья;
В нем успокоилась совесть, и с бóльшим вкусом он допил
Кружку. Но тут Ундина сказала Гульбранду: «Ты денег
Сколько угодно можешь за это вино рассорить; но бросаться
В воду и жизни своей не жалеть... вот это уж глупо
Сказано было; а что же будет со мною, когда ты,
Милый, погибнешь? Не правда ль, не правда ль, ты лучше с Ундиной
Здесь останешься?» — «Правда, Ундиночка», — рыцарь с улыбкой
Ей отвечал. «Признайся ж, что глупо сказал ты; ведь каждый
Сам себе ближе; и что до других нам?..» Старушка, услышав
Это, тяжело вздохнула; а добрый рыбак, не стерпевши,
Начал кричать на Ундину: «У турков, у нехристей, что ли,
Выросла ты, прости мне, господи? Что за горячку
Снова ты нам говоришь, греховодница?» Вдруг замолчавши,
Робко Ундина прижалась к Гульбранду; потом прошептала:
«Что же такое сказала я им? Уж и ты не сердит ли,
Милый мой рыцарь?» Но рыцарь, пожавши ей руку, расправил
Кудри, упавшие кольцами ей на глаза, и ни слова
Ей не ответствовал: брань рыбака его оскорбила.
Так сидели все четверо, молча, нахмутивши брови;
Добрую четверть часа продолжалось это молчанье.

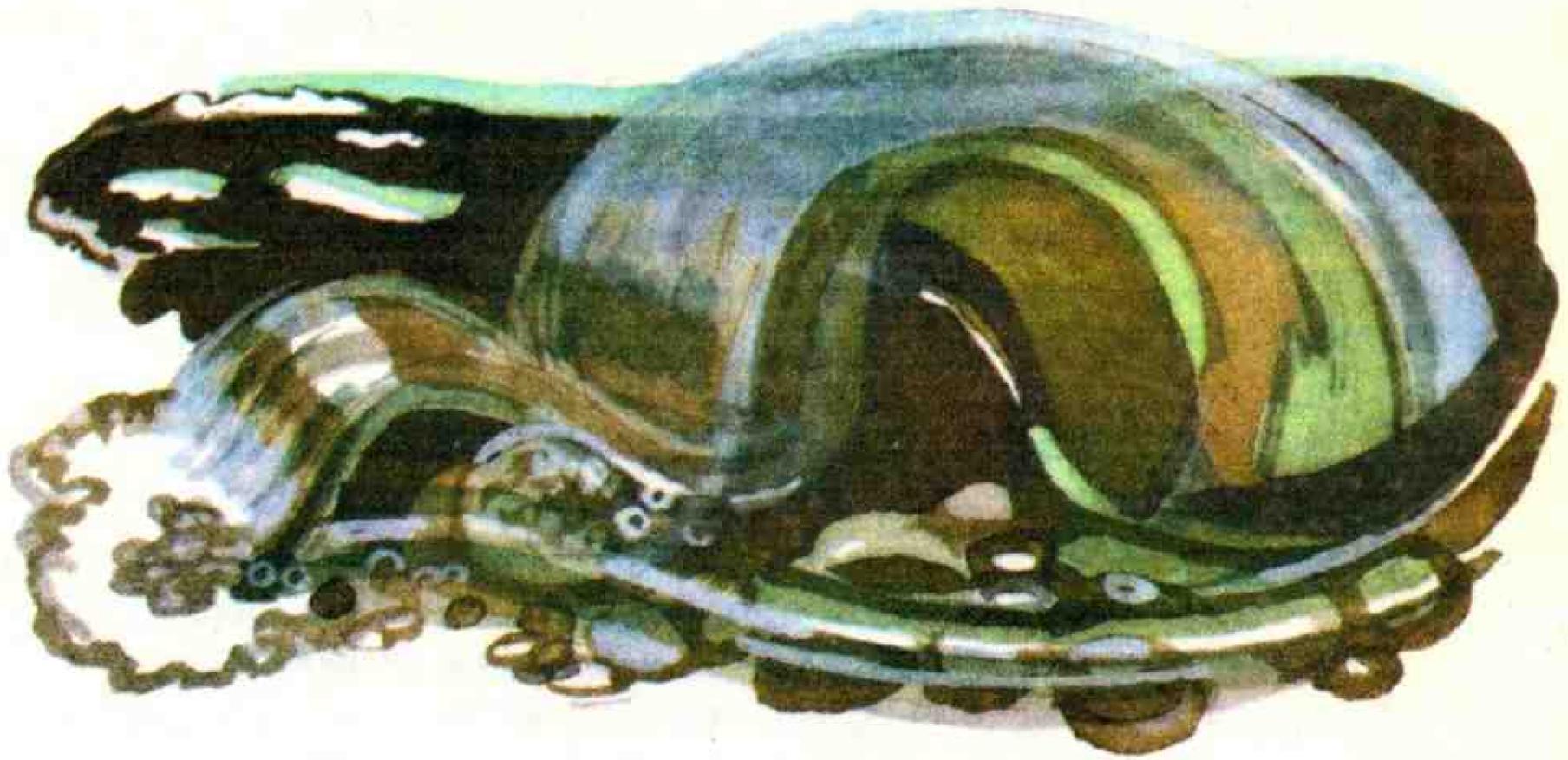

ГЛАВА VI

о том,
как рыцарь
женился

Вдруг, шатнувшись, тихохонько стукнула дверь; и невольно
Вздروгнули все, как будто недоброе что-то почуя:
Страшный лес был близко, а к хижине доступ разливом
Был огражден человеку живому; кому же в такую
Позднюю пору зайти к ним? Они с беспокойством смотрели
Друг на друга. Снова послышался стук; и поспешно
Рыцарь схватился за меч. «Не поможет твой меч, — сотворивши
Крест, рыбак прошептал, — когда здесь случается с нами
То, о чем и подумать боюсь я». Но в эту минуту
Прыгнула с места Ундина и в дверь закричала сердито:
«Кто там? Если то ваши проказы, духи земные,
Будет беда вам; мой дядя Струй вас порядком проучит».
Пуще прежнего все оробели, слова те услышав.

44 Друг на друга взглянули старик и старушка; а рыцарь

Встал и хотел уж Ундину спросить, но тут из-за двери
Голос сказал: «Я не дух, человек, христианин; впустите
Ради господа бога меня». При этом поспешно Ундина
Дверь отперла и, поднявши ночник, во внутренность темной
Ночи стала светить: престарелый священник стоял там.
Он, при виде Ундины, назад отступил, приведенный
В робость ее поразительной прелестью; в бедной лачужке
Встречу такой красоты он волшебством иль делом бесовским
Счел и воскликнул: «С нами господь и пречистая дева!» —
«Я не бес, — засмеявшись, сказала Ундина, — не бойся;
Милости просим, отец; войди, здесь добрые люди».
Патер вошел и ласково всем поклонился; приятен
Был он лицом; веселая кротость сияла во взорах.
Но по складкам длинного платья его, с распушенных

Белых волос и седой бороды катилися градом
Капли: его промочило дождем. В боковую каморку
Тотчас его отвели, чтоб раздеть; а старушка с Ундиной
Начали мокрое платье сушить на огне. С благодарным
Чувством услуги старик принимал; он, надев рыбаково
Верхнее платье, довольно потертое, вышел, и снова
Все за столом перед светлым камином уселись; и старушка
Гостю сама уступила почетный стул, а Ундина
В ноги ему свою скамейку подвинула. Рыцарь,
То увидя, шепнул ей шутливое слово; но с важным
Видом она отвечала: «Он божий служитель; не должно
Этим шутить». Поужинав, добрым вином подкрепивши
Силы свои, священник рассказывать начал, каким он
Образом свой монастырь, лежащий близ моря, вчерашним
Утром покинул. «Я был к епископу нашему в город
Послан, — сказал он. — Хотя и есть по изгибу залива
Путь, но морем ближе; и я с гребцами надежными лодку
Нанял; с богом мы съездили; нынче ж поутру в обратный
Поплыли путь; но сделался ветер противный; а к ночи
Буря — и буря, какой мне ни разу видать не случилось;
Ветром вырвало весла из рук у гребцов; беспомощно
Были мы преданы морю, которого волны, как щепку,
Наш челнок подымали с хребта на хребет; и несло нас
Прямо сюда; сквозь туман и сквозь пену чернел в отдаленье
Этот берег: уж были мы близко; но бедную лодку
Нашу так и кружило; вдруг поднялась и на нас повалилась
С страшным шумом большая волна; и сам я не знаю,
Лодку ль она опрокинула, я ли выпал из лодки,
Только я вдруг очутился в воде. Господь не дозволил
Мне погибнуть... я был принесен невредимо на этот
Остров». — «Да, остров, — сказал со вздохом рыбак, —

но давно ли

Был он твердой землею? Как же не скажешь, что море
С нашим потоком бурлит заодно?» — «И сам я подумал
Что-то подобное, — патер сказал, — когда я тащился
Берегом вашим впотьмах, предо мною мелькнула тропинка;
Я по ней и пошел; но эта тропинка исчезла
Вдруг перед лесом; ее перерезал поток. Тут сверкнул мне
В вашей хижине свет, и тотчас сюда повернул я.
Слава господу богу! меня он спас, да и к добрым
Людям еще мне путь указал; но зато уж отныне,
Кроме вас, никого на земле не встречать мне; отныне
В этом углу весь мир для меня заключен». — «Почему же?» —
Рыцарь спросил. «Да кто ж, — отвечивал патер, — узнает,
Скоро ли кончится эта война беспорядочных стѣхий?
Я же стар, и силы мои, конечно, иссякнут
Прежде, чем этот разлившийся бурный поток; да случиться
Может и то, что день ото дня все шире и шире,
Глубже и глубже он делаться будет, и вы напоследок
Так далеко от земли отодвинетесь в море, что в людях
Даже и память об вас совсем пропадет; и тем легче
Может это случиться, что вас от земли заслоняет
Лес дремучий; поток же, я видел, так дик и порывист,
Так широк, что и крепкому судну не будет возможно
Силы его одолеть». — «Сохрани нас господь и помилуй», —
Крест сотворивши, сказала старушка. «Чего же хозяйка
Так испугалась? — рыбак возразил. — Не то же ли будет
С нами, что было? Чудное дело желанья людские!
Разве не всё одни мы здесь жили? Ни разу во столько
Лет не ходила ты дале опушки нашего леса.
Кроме меня, старика, и Ундины, кого ты видала?
Ныне же стало у нас и людно: господь бог послал нам
Добрых гостей на житье. Пускай совсем разлучится
Остров наш с твердой землею и люди о нас позабудут,

Нам же прибыль». — «Что правда, то правда, — сказала

старушка, —

Только, признаться, мне как-то страшно подумать, что вечно
Нам уж с людьми не сойтись, что земле навсегда мы чужие».

То услыша, Ундина прижалась к рыцарю, жаркой

Ручкой стиснула руку ему и, уставивши глазки,

Полные острых лучей, на него, нараспев прошептала:

«Ты останешься с нами, ты останешься с нами».

Рыцарь молчал; он был очарован каким-то виденьем;

Был глубоко в себя погружен и, Ундиной, желанным,

Найденным счастьем жизни полный в душе, не расслушал

Слов Ундины, проказницы резвой, сидевшей с ним рядом;

Миг настал роковой; священник своими словами

Все сомненья решил; все дале и дале за темный

Лес убегал обитаемый свет; а остров цветущий,

Где так сладко жилось, все свежей, зеленей, все уютней

Сердцу его становился — невеста, как чистая роза,

Там расцветала; и к ним как будто бы свыше был послан

Божий священник: то явно было не случай. К тому же

Рыцарь заметил, как строго старик поглядел на Ундину

В ту минуту, когда, позабыв о служителе церкви,

Так беззаботно она к нему приласкалась. Ундину

Сильной рукой обхвативши, рыцарь встал и воскликнул:

«Честный отец, мы жених и невеста; во имя господне

Благослови нас, если дадут позволение эти

Добрые люди». Рыбак и старушка весьма изумились.

Правда, им часто входило на мысль, что такая развязка

Рано иль поздно случиться должна; но об этом молчали

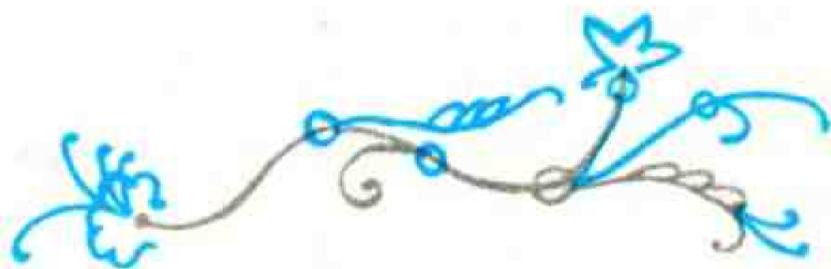
Даже друг с другом они; и в это мгновение было

Вовсе неожиданным для них предложение рыцаря. Долго

Слова ему отвечать они не умели. Ундина ж

50 Вдруг присмирела, задумалась, глазки потупила в землю.

Тою порою священник, спросясь с стариком и старушкой,
Начал готовить венчальный обряд; старушка, очистив
Наскоро горницу ту, где жила с рыбаком, отыскала
Две восковые свечи, которые были во время
Оно на свадьбе ее зажжены; а рыцарь из звеньев
Цепи своей золотой отделил два кольца, чтоб с невестой
Было чем обручиться. Все устроив, священник
Брачные свечи зажег и сказал жениху и невесте:
«Дайте руку друг другу». Ундина, как будто проснувшись,
Робко взглянула на рыцаря, вся покраснела и, руку
Давши ему, стыдливо и трепетно стала с ним рядом.
Кончив венчальный обряд, новобрачных отец их духовный
Перекрестил; старики ж молодую жену и Гульбранда
Обняли с чувством родительским, громко рыдая. Но в этот
Миг священник сказал: «Вы странные люди! не сами ль
Вы говорили, что этот остров безлюден, что, кроме
Вас четверых, не живет никого здесь? А я в продолженье
Службы все видел, что кто-то в это окошко, в широком
Белом платье, седой и длинный, глядел; за дверями
Верно стоит и теперь он и ждет, чтоб впустили». — «Спаси нас,
Дева пречистая божия мать», — сказала старушка;
Молча рыбак покачал головою; а рыцарь к окошку
Бросился: не было там никого; но что-то в потемках,
Видел он, белой струею мелькнуло и скрылось. «Отец мой,
Ты ошибся», — сказал он священнику. Все беззаботно
С этим словом кругом огонька по-прежнему сели.

ГЛАВА VII

о том,
что случилось
в свадебный
вечер

Смирненно стояла Ундина во все продолжение обряда;
Но лишь только он кончился, вдруг, как будто волшебной
Силой какой, что ни было в ней причуд и беспутных
Выдумок, все забродило и вспенилось; вдруг принялася
Всех тормошить, старика, старушку и рыцаря, не был
Даже и сам священник оставлен в покое. Суровым
Словом хотела хозяйка шалунию унять, как бывало;

но рыцарь

С значащим взглядом назвал ее своею женою;
Та замолчала. И сам он, однако, таким поведением
Не был доволен; но тут ни его увещанья, ни ласки,
Ниже упреки, ничто помочь не могло. Унималась,
Правда, она на минуту, когда замечала досаду
Рыцаря: нежно тогда к нему прижимаясь, ручонкой

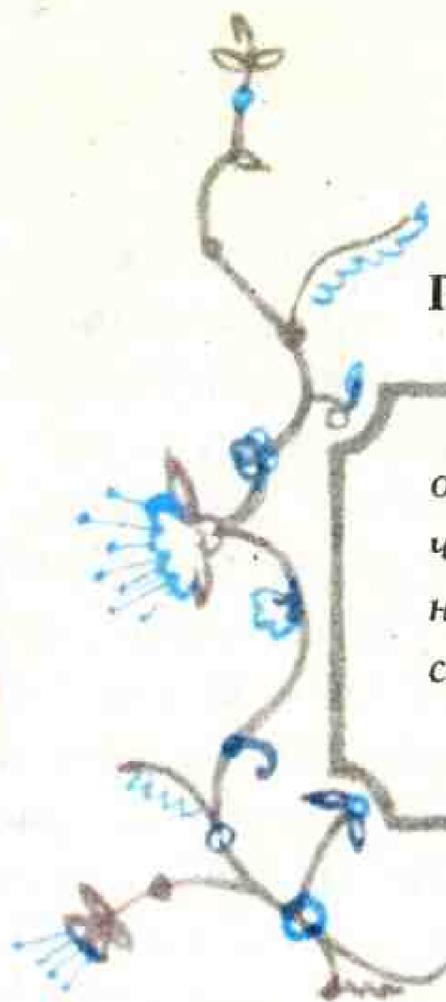
Милой своею трепала его по щеке и шептала
На ухо слово любви с небесной улыбкой; но снова
С первою взбалмошной мыслию то ж начиналось и пуще,
Нежели прежде. Священник сказал напоследок: «Ундина,
Резвость такая забавна, но в эту минуту приличней
Было бы вам, новобрачной, подумать о том, как с душою
Данного богом супруга свою сочетать христиански
Душу». — «Душу? — смеясь, закричала Ундина. — Такое
Слово приятно звучит; но много ли в этом приятном
Звуче смысла? А если кому души не досталось,
Что тому делать? Еще сама я не знаю, была ли,
Есть ли душа у меня?» Оскорбленный глубоко, священник,
Строго взглянув на нее, замолчал; испугавшись, Ундина
С детским смиреньем к нему подошла и шепнула: «Послушай, 53

Добрый отец, не сердися, мне это так грустно, так грустно,
Что и сказать не могу я; не будь же со мною, незлобным,
Робким созданием, так строг; напротив того, с снисхождением
Выслушай то, что хочу исповедать искренним сердцем». Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердце Ундины;
Что-то хотела сказать, но вдруг побледнела и горько,
Горько заплакала. Все на нее с любопытством смотрели;
Что творилось с нею, не ведал никто. Напоследок
Слезы обтерла она и священнику, в сильном волнении
Сжавши руки, сказала: «Отец мой, не правда ли, ужасно
Душу живую иметь? И не лучше ли, скажи мне, не лучше ли
Вечно пробыть без души?..» Она замолчала, уставив
Острый, расстроенный взор на священника. Все поднялись
С мест, как будто дичаясь ее; не дождавсь ответа,
С тяжким вздохом она продолжала: «Великое бремя,
Страшное бремя душа! при одном уж ее ожиданье
Грусть и тоска терзают меня; а доныне мне было
Так легко, так свободно». Она опять зарыдала,
Скрыла в ладони лицо и, свою наклонивши головку,
Плакала горько, а светлые кудри, скатясь на прекрасный
Лоб и на жаркие щеки, повисли густым покрывалом.
С строгим лицом подошел к ней священник. «Ундина, —
сказал он, —

Именем господа бога тебе говорю: исповедуй
Душу свою перед нами, и, если таится в ней злое,
Бог милосерд, он помилует». Тихим, покорным младенцем
Стала она перед ним на колена, и, руки сложивши,
Набожно к небу глаза подняла, и крестилась, и, имя
Божие славя, твердила, что не было зла никакого
В сердце ее. Священник сказал, обратясь к Гульбранду:
«Рыцарь, вам поверяю я ту, с которою ныне
54 Сам сочетал вас: душою она беспорочна, но много

Чудного в ней. Примите мой добрый совет: осторожность,
Твердость, любовь; остальное на власть милосердного бога
С верой оставьте». Сказав, новобрачных священник
Перекрестил и вышел; за ним рыбак и старушка,
Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина
Все еще на коленях стояла в молчанье; когда же
Все удалились, она потихоньку лицом обернулась
К рыцарю, кудри раздвинула, мало-помалу, как будто
В чувство входя, головку свою подняла и уныло
Очи лазурные, полные слез, на него устремила.
«Милый, ты, верно, также покинешь меня, — прошептала
Робко она, — но чем же я, бедная, чем виновата?»
Руки ее так призывно, так жарко к нему поднялися,
Взоры ее так похожи на небо прекрасное стали,
Голос ее так глубоко из сердца раздался, что рыцарь
Все позабыл и в порыве любви протянул к ней объятья;
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась к милому в руки Ундина,
Грудью прильнула ко груди его и на ней онемела.

ГЛАВА VIII

О том,
что случилось
на другой день
свадьбы

Свежий утренний луч разбудил новобрачных; блаженством Ясные очи Ундины горели; а рыцарь в глубокой Думе молчал про себя; всю ночь он видел какой-то Странный, мучительный сон: все снилось ему, что хотели Бесы его оболъстить под видом красавиц, что в змеев Адских красавицы все перед ним обращались. Проснувшись В страхе, он начал смотреть недоверчиво: тут ли Ундина? Нет ли в ней какой перемены?.. Но было все тихо, Буря кончилась; полный месяц светил, и Ундина Сном глубоким спала, положивши горячую щеку На руку; вольно дышала она, и сквозь сон, как журчанье, Шопот невнятный бродил по жарко раскрывшимся губкам. Видом таким успокоенный, рыцарь заснул, но в другой раз Тот же сон! наконец засияла заря, и проснулись оба.

56 Сон рассказавши, рыцарь просил, чтоб Ундина простила

Страх безрассудный ему. Вздохнувши, прекрасную руку
С грустью она ему подала, и ни слова; но сладкий,
Полный глубокой любовью взгляд, какого дотоле
Рыцарь в лазоревых глазках ее не встречал, безответно
Выразил все. С довольным сердцем он встал и к домашним
Вышел; все трое сидели молча, на лицах их видно
Было, что тяжко тревожило их ожиданье развязки;
Видно было, что внутренне бога священник молил: да поможет
Им защититься от козней врага. Но как скоро явился
С ясным лицом новобрачный, то вмиг и у них просияли
Души и лица; рыбак и старушка заплакали; к небу
Взор благодарный поднял священник. Потом и Ундина
Вышла; они хотели пойти к ней навстречу, но стали
Все неподвижны: так знакома и так незнакома
Им в красоте довершенной она показалась. Священник

Первый к ней подошел; но лишь только он руку, чтоб дать ей
Благословение, поднял, она ему поклонилась
В землю и стала прощенья просить в словах безрассудных,
Сказанных ею вчера; потом примолвила: «Добрый
Друг, помолись о спасенье моей души многогрешной».
Вставши, она обняла стариков, и то, что сказала
Им, было так полно души, так было их слуху
Ново и так далеко от всего, что прежде пленяло
В ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,
Стали молиться вслух и ее называли небесным
Ангелом, дочкой родною; она же с сердечным смиреньем
Их целовала; такой и осталась она с той минуты:
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, в то же
Время девственно-чистым, божественно-милым созданием.
Рыцарь, старик и старушка, давно уж привыкнув к причудам
Детским ее, всё ждали, что снова она, как и прежде,
Станет проказить, но в этот раз они обманулись:
Ангелом тихим осталась Ундина. Священник, любуясь
Ею, воскликнул: «Радуйтесь, рыцарь; господь милосердный
Вам даровал чрез меня, недостойного, редкое счастье;
Будет добро вам и в здешней и в будущей жизни, когда вы
Чистым его сохраните. Господь помощи вам обоим».
Около вечера с нежностью робкой Ундина, взявши Гульбранда
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный
Воздух. Безоблачно солнце садилось, светя на зеленый
Дерн сквозь чашу дерев, за которыми тихо горело
Море вдали. Во взорах жены молодой трепетало
Пламя любви, как роса на лазурных листках; но, казалось,
Грустная тайна уста ей смыкала, порой выражаясь
Вздохом невнятным. В молчанье она вела за собою
Рыцаря дале; когда же с ней говорил он, ответа
Не было, взор один отвечал; но в этом сердечном

Взоре целое небо любви и смиренья лежало.
Так подошли напоследок они к лесному потоку...
Что же рыцарь увидел? Разлив уже миновался;
Мелким ручьем стремился поток. «Он исчезнет
К утру совсем, — сказала Ундина, скрывая рыданье, —
Завтра кончится все, и тебе уж препятствия боле,
Милый, не будет отсель удалиться, как скоро захочешь». —
«Вместе с тобою, Ундиночка», — рыцарь ответствовал. «Это
В воле твоей, — шепнула она, усмехаясь сквозь слезы. —
Друг, я знаю, что ты Ундиночку любишь. Она же
Всею душою твоя, и навек. Но, милый, послушай,
Перенеси меня на руках на этот зеленый
Остров; там уютней. Хотя и самой мне сквозь волны
Было б нетрудно туда проскользнуть, но, друг, мне так сладко
Быть на руках у тебя. И если нам должно расстаться,
То хоть в последние счастьем земным подышу я
Здесь у тебя на груди». И растроган, встревожен,
Рыцарь Ундину на руки взял и понес через воду.
Было то место знакомо, то был островок, на котором
Встретился рыцарь с Ундиною в бурю. Ее опустил он.
Тихо на шелковый дерн и хотел поместиться с ней рядом.
«Нет, не рядом со мной, а против меня ты садися,
Милый, — сказала она, — хочу я прежде, чем словом
Будешь ответственать мне, твой ответ в непритворных
Взорах твоих заране угадывать. Слушай. Ты должен
Знать, уж на деле узнал ты, что есть на свете созданья,
Вам подобные видом, но с вами различного свойства.
Редко их видите вы. В огне живут саламандры,
Чудные, резвые, легкие; в недрах земли, неприступных
Свету, водятся хитрые гномы; в воздухе веют
Сильфы; лоно морей, озер и ручьев населяют
Духи веселые вод. Прекрасно и вольно живется

Там, под звонко-кристальными сводами; небо и солнце
Светят сквозь них; и небесные звезды туда проникают;
Там на высоких деревьях коралловых пурпуром ярким,
Темным сапфиром блистают плоды; там гуляешь по мягким
Свежим песочным коврам, узорами раковин пестрых
Хитро украшенным; многое, бывшее чудом минувших
Лет, облеченное тайным серебряных вод покрывалом,
Видится там в величавых развалинах: влага с любовью
Их объемлет, в мох и цветы водяные их рядит,
Пышным венцом тростника их седые главы обвивает.
Жители стран водяных обольстительно-милы, прекрасней
Самых людей. Случалось не раз, что рыбак, подглядевши
Деву морскую — когда, из воды подымаяся тайно,
Пела она и качалась на зыбкой волне, — повергался
В хладную влагу за нею. Ундинами чудные эти
Девы слывут у людей. И, друг, ты теперь пред собою
В самом деле видишь Ундину». Гульбранд содрогнулся;
Холод по членам его пробежал; неподвижен, как камень,
Молча и дико смотрел он в лицо рассказчицы милой,
Сил не имея очей отвести. Покачав головою,
Грустно замолкла она, вздохнула, потом продолжала:
«Видом наружным мы то же, что люди, быть может и лучше,
Нежели люди; но с нами не то, что с людьми; покидая
Жизнь, мы вдруг пропадаем как призрак, и телом и духом
Гибнем вполне, и самый наш след исчезает; из праха
В лучшую жизнь переходите вы; а мы остаемся
Там, где жили, в воздухе, искре, волне и пылинке.
Нам души не дано; пока продолжается наше
Здесь бытие, нам стихии покорны; когда ж умираем,
В их переходим мы власть, и они нас вмиг истребляют;
Веселы мы, и нас ничто не тревожит, как птичек
60 В роще, рыбок в воде, мотыльков на лугу благовонном.

Все, однако, стремится возвыситься: так и отец мой,
Сильный царь в голубой глубине Средиземного моря,
Мне, любимой, единственной дочери, душу живую
Дать пожелал, хотя он и ведал, что с нею и горе
(Всех одаренных душою удел) меня не минует.
Но душа не иначе дана быть нам может, как только
Тесным союзом любви с человеком. И, милый, отныне
Я с душою навеки; тебе одному благодарна
Я за нее и тебе ж благодарна останусь, когда ты
Жизнь не осудишь мою на вечное горе. Что будет
С бедной Ундиной, когда ты покинешь ее? Но обманом
Сердце твое сохранить она не хотела. Теперь ты
Знаешь все, и если меня оттолкнуть ты решился,
Сделай это теперь же: один перейди на противный
Берег; я брошусь в этот поток — он мой дядя; издавна
В нашем лесу он свободную, чудную жизнь, как пустынный,
Розно с родней и друзьями проводит. Он силен и многим
Старым рекам и могучим потокам союзник. Принес он
Некогда к жителям хижины здешней меня беззаботным,
Ясным, веселым младенцем; и он же ныне отсюда
В дом отца моего меня отнесет измененным, живую
Душу приявшим созданием, любящей, скорбящей женою».
Дале она говорить не могла; пораженный, плененный,
Рыцарь ее обхватил, и на руки поднял, и вынес
На берег; там перед небом самим повторил он обет свой:
С ней неразлучно жить на земле и делить все земное.
В сладком согласии, за руки взявшись, медлительным шагом
В хижину оба пошли. И Ундина, глубоко постигнув
Благо святое души, перестала жалеть о прозрачном
Море и влажных жилищах отцовского чудного царства.

ГЛАВА IX

о том,
как рыцарь
и его
молодая жена
оставили
хижину

Рыцарь, проснувшись с зарей на другой день, весьма удивился Видя, что подле него Ундины нет, и снова он начал Думать, что все, происшедшее с ним в последнее время, Было мечта. Но в эту минуту Ундина явилась; Севши к нему на постель, сказала она: «Я ходила В лес проведать, исполнил ли дядя свое обещанье? Все исполнено: воды свои он собрал и снова Лесом бежит одинок, невидим и задумчиво шепчет; Всех водяных и воздушных друзей распустил он, и стало Тихо в лесу, и все в порядке по-прежнему; можем, Милый, отправиться в путь, как скоро захочешь». С каким-то Станным чувством, похожим на робость, слушал Ундину Рыцарь: ее родные были ему не по сердцу.

62 Но Ундина своею тихою прелестью снова

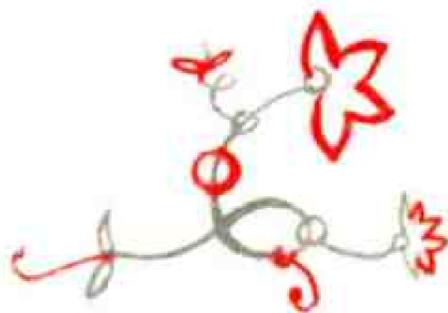
Сладкий покой возвратила ему, и, любуясь с ней вместе
Зеленью берега, так благовонно, свежо и прозрачно
Светлою влагой объятого, рыцарь сказал: «Для чего же
Так нам спешить отсюда, Ундина? Уж, верно, не встретим
Мы нигде столь мирного счастья, каким насладились
В этом краю; побудем же здесь; никто нас не гонит». —
«Что ты, мой друг, прикажешь, то и будет, — сказала с покорным
Видом Ундина, — но слушай: моим старикам разлучаться со мною
Тяжко и так, а они еще не знают Ундины,
Новой, нежной, любящей, смиренной Ундины; и все им
Мнится еще, что смиренье мое не надежней покоя
Вод; и меня легко позабудут они, как весенний
Цвет, как быстрюю птичку, как светлое облако; дай же,
Милый, в тот миг, как навек на земле нам должно расстаться,

Скрыть мне от них тобой сотворенную, верную душу.
Если же долее здесь мы пробудем, то буду ль уметь я
Так притвориться, чтоб им моя не открылася тайна?»
Рыцарь был убежден, и вмиг собралися в дорогу;
Снова коня оседлали; священник вызвался с ними
В город итти через лес и с рыцарем вместе Ундине
Сесть помог на седло. Обнялися; расстались; Ундина
Плакала тихо, но горько; добрый рыбак и старушка
Выли голосом, глядя за нею вслед и как будто
Вдруг догадавшись, какое сокровище в эту минуту
В ней потеряли. В грустном молчанье вперед подвигались
Путники. Гущи лесной уж достигли они, и прекрасно
Было видеть в зеленой тени на разубранном пышно
Гордом коне молодую робкую всадницу, справа
Старого патера в белой одежде, а слева, в богатом
Пестром уборе, прекрасного рыцаря. Бережно чащей
Леса они пробиралися. Рыцарь одну лишь Ундину
Видел; Ундина же влажные очи свои в упоенье
Новой души на него одного устремляла, и скоро
Тихий, немой разговор начался между ними из нежных
Взглядов и вздохов. Но вдруг он был прерван каким-то
Шопотом странным: шел рядом с священником кто-то четвертый,
К ним недавно приставший. Он-то шептал. Как священник,
Был он в белом платье, лицо закрывалось каким-то
Станным, широким покровом, которого складки, как волны,
Падали с плеч и стан обвивали, и он беспрестанно
Их поправляя, закидывал на руку полы, вертелся,
Прыгал; но это ему ни итти, ни болтать не мешало.
Вот что шептал он в ту минуту, когда молодые
Вслушались в речи его: «Уж давно, давно, преподобный,
В этом лесу я живу, как у вас говорится, монахом;
64 Правда, я не пощусь, не спасаюсь, а просто мне любо

Жить на воле в глуши и в этом белом, волнистом
Платье под тенью густою разгуливать. Часто и солнце
Чудно сверкает по складкам моим; а когда я кустами
Крадусь, бывает такой веселый шорох, что сердце
Прыгает...» — «Вы человек замечательный, — молвил священник, —
Я бы желал покороче узнать вас». — «А ты кто, когда уж
Дело у нас пошло на расспросы?» — сказал незнакомец.
«Патер Лаврентий, священник Мариинской пустыни». — «Дельно;
Я же, просто сказать, свободный лесной обыватель;
Имя мне Струй; ремесла не имею; волен, как птица;
Нет у меня господина; гуляю, и все тут. Однако
Нужно мне кое-что молвить вот этой красавице». С этим
Словом он прынул к Ундине, вдруг вырос, и подле
Уха ее очутилась его голова. Но Ундина
В страхе его оттолкнула, воскликнув: «Поди поскорее
Прочь; я более с вами не знаюсь». — «О! о! да какая ж
Замужем стала она спесивая! с нами, роднею,
Знаться не хочет! Да кто же, скажи мне, пожалуй, не я ли,
Дядя твой Струй, малютку тебя на спине из подводной
Области на берег здешний принес? Позабыла?» — «Оставь нас.
Именем бога тебя умоляю, — сказала Ундина. —
Ты мне страшен; ты сделаешь то, что и муж мой дичиться
Станет меня, как скоро увидит с такою роднею». —
«Здесь я недаром; хочу проводить вас, иначе едва ли
Вам через лес удастся пройти безопасно. А этот
Патер уж знает меня; говорит он, что будто
Был я в лодке, когда он в воду упал; и конечно,
Был я в лодке; я в эту лодку прынул волною,
Вырвал его из нее и на берег вынес, чтоб свадьбу
Можно было сыграть вам». Ундина и рыцарь при этом
Слове взглянули на патера: шел он, как будто в глубокий
66 Сон погруженный, не слыша того, что вблизи говорилось.

«Вот и лесу конец, — сказала дяде Ундина, —
Помощь твоя теперь не нужна, оставь нас; простимся
С миром; исчезни». Струй рассердился; он сделал такую
Страшную харю и так глазами сверкнул, что Ундина
Громко вскрикнула; рыцарь выхватил меч и хотел им
В голову Струя ударить, но меч по волнам водопада
С свистом хлестнул, и в воде как будто шипящий
Хохот раздался; рыцаря обдало пеной холодной.
Патер, вдруг очнувшись, сказал: «Я предвидел, что это
С нами случится, лесной водопад был так близко; и все мне
Мнилось до сих пор, что он живой человек и как будто
С нами шепчет». И подлинно рыцарю на ухо внятно
Вот что шептал водопад: «Ты смелый рыцарь, ты бодрый
Рыцарь; я силен, могуч; я быстр и гремуч; не сердиты
Волны мои; но люби ты, как очи свои, молодую,
Рыцарь, жену, как живую люблю я волну...» — и волшебный
Шопот, как ропот волны, разлетевшейся в брызги, умолкнул.
Кончился лес, и вышли в поле они: там имперский
Город лежал перед ними в лучах заходящего солнца.

ГЛАВА X

*о том,
как они жили
в имперском
городе*

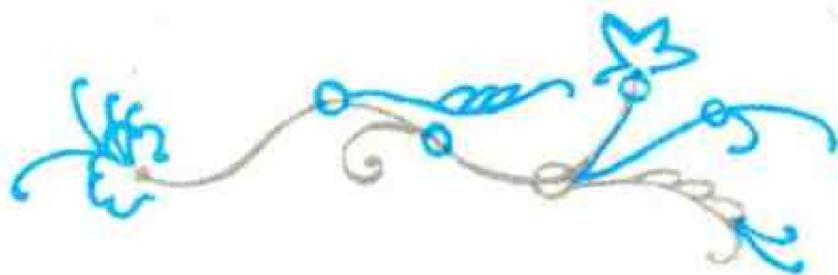
В этом имперском городе все почитали погибшим
Нашего рыцаря, все сожалели о нем, а Бертальда
Боле других; она себя признавала причиной
Смерти его, и совесть терзала ей сердце, и милый
Рыцарев образ глубоко в него впечатлен был печалью.
Вдруг он явился, живой, и женатый, а с ним и свидетель
Брака его, отец Лаврентий; весь город нежданным
Чудом таким приведен был в волнение; прелесть Ундины
Всех поразила, и слух прошел, что в лесу из-под власти
Злого волшебника рыцарь избавил ее, что породы
Знатной она. Но на все вопросы людей любопытных
Рыцарь отвечивал глухо; патер же был на рассказы
Скуп, да и скоро в свой монастырь возвратился он; словом,
68 Мало-помалу толки утикли; одной лишь Бертальде

Было грустно: скорбя о погибшем, она поневоле
Сердцем привыкла к нему и его своим называла,
Скоро, однако, она одолела себя; от природы
Было в ней доброе сердце, но чувство глубокое долго
В нем не могло сохраняться, и здесь легкомыслие было
Верным лекарством. Ундину ласкала она, а Ундине,
Простосердечной, доброй Ундине боле и боле.
Нравилась милая, полная прелести сверстница. Часто
Ей говорила она: «Мы, верно, с тобою, Бертальда,
Как-нибудь были прежде знакомы, иль чудное что-то
Есть между нами; нельзя же, чтоб кто без причины,
без сильной,
Тайной причины, мог так кому полюбиться, как ты мне
Вдруг полюбилася с первого взгляда». И в сердце Бертальды

Что-то подобное было, хотя его и смущала
Зависть порой. Но как бы то ни было, скоро друг с другом
Стали они неразлучны, как сестры родные. Но рыцарь
Был готов уж в замок Рингштеттен, к истокам Дуная
Ехать, и день разлуки, может быть вечной разлуки,
Был недалеко; Ундина грустила; и вот ей на мысли
Вдруг пришло, что Бертальду с собою в замок Рингштеттен
Могут они увезти, что на то герцогиня и герцог,
Верно, по просьбе ее согласятся. Однажды об этом
Рыцарь, Ундина, Бертальда втроем рассуждали. Был теплый
Летний вечер, и темною площадью города вместе
Шли они; синее небо глубоко сияло звездами;
В окнах домов сверкали огни; перед ними ходили
Черные тени гуляющих; шум разговоров, слиянье
Музыки, пенья, хохота, крика детей наполняли
Чудным каким-то говором воздух, и он напоен был
Весь благовонием лип, вокруг городского фонтана
Густо насаженных. Здесь, от шумной толпы в отдаленье,
Близ водоема стояли они, упиваясь прохладой
Брызжущих вод, их слушая шум и любясь на влажный
Сноп фонтана, белевший сквозь сумрак, как веющий, легкий
Призрак; и их веселило, что так они в многолюдстве
Были одни, и все, что при свете казалось столь трудным,
Сладилось само собой без труда в тишине миротворной
Ночи; и было для них решено, что Бертальда поедет
В замок Рингштеттен. Но в ту минуту, когда назначали
День отъезда они, подошел к ним, как будто из мрака
Вдруг родившийся, длинный седой человек, поклонился
Чинно, потом кивнул головою Ундине и что-то
На ухо ей прошептал. Ундина, нахмуривши бровки,
В сторону с ним отошла, и тогда начался между ними
70 Шопот на странном каком-то чужом языке; а Гульбранду

В мысли пришло, что он с незнакомцем где-то встречался;
Тщетно Бертальда его осыпала вопросами; рыцарь
Был как в чаду и все с беспокойством смотрел на Ундину.
Вдруг Ундина, захлопавши с радостным криком в ладоши,
Кинулась прочь, и блаженством глазки сверкали; с досадой
Сморщивши лоб и седой покачав головой, незнакомец
Влез в водоем, где вмиг и пропал. Тут решилось сомненье
Рыцаря. «Что, Ундина, с тобою смотритель фонтанов
Здесь говорил?» — спросила Бертальда. С таинственным видом
Ей головкой кивнула Ундина. «В твой именины,
Послезавтра, ты это узнаешь, Бертальда, мой милый,
Милый друг; я тебя и твоих приглашаю на этот
Праздник к себе». Другого ответа не было. Скоро
После того они проводили Бертальду и с нею простились.
«Струй?» — спросил с содроганьем невольным рыцарь Ундину,
С ней оставшись один в темноте перед герцогским домом.
«Он, — отвечала Ундина, — премножество всякого вздора
Мне насаждал; но, между прочим, открыл и такую
Нехотя тайну, что я себя не помню от счастья.
Если велишь мне все рассказать сию же минуту,
Я исполню приказ твой; но, милый, Ундине большая
Радость была бы, когда б ей теперь промолчать ты позволил».
Рыцарь охотно на все согласился, и можно ли было
В чем отказать Ундине, столь мило просящей? И сладко
Было в ту ночь засыпать ей; она, забываясь
Сном, потихоньку сама про себя с улыбкой шептала:
«Ах, Бертальда как будет рада! какое нам счастье!»

ГЛАВА XI

о том,
что случилось
на именинах
Бертальды

72 Гости уж были давно за столом, и Бертальда, царица Праздника, в золоте, перлах, цветах, подаренных друзьями Ей в именины, сидела на первом месте, Ундина С правой руки, а рыцарь с левой. Обед уж кончался; Подали сласти; дверь была отперта; в ней теснилось Множество зрителей всякого званья; таков был старинный Предков обычай: каждый праздник тогда почитался Общим добром, и народ всегда пировал с господами. Кубки с вином и закуски носили меж зрителей слуги; Было шумно и весело; рыцарь Гульбранд и Бертальда Глаз не сводили с Ундины; они с живым нетерпеньем Ждали, чтоб тайну открывала она; но Ундина молчала; Было заметно, что с сердца ее и с уст, озаренных Ясной улыбкой, было готово что-то сорваться;

Но (как ребенок, любимый кусок свой к концу берегущий)
Все молчала она, чтоб продлить для себя наслажденье.
Рыцарь смотрел на нее с неописанным чувством; Ундина
В детской своей простоте, с своим добродушием прелесть
Ангела божия в эту минуту имела. Вдруг гости
Стали ее убеждать, чтоб спела им песню. Сверкнули
Ярко ее прекрасные глазки; поспешно схватила
Цитру и вот какую песню тихо запела:
«Солнце сияет; море спокойно; к берегу с любовью
Воды теснятся. Что на душистой зелени брега
Светится, блещет? Цвет ли чудесный, посланный небом
Свежему лугу? Нет, светлоокий, ясный младенец
Там на зеленом дерне играет. Кто ты, откуда,
Милый младенец? Как очутился здесь, на чужбине?»

Ах! из отчизны был он украден морем коварным.
Бедный, чего ж ты между цветами с жадностью ищешь?
Цвет благовонный жив, но без сердца; он не услышит
Детского крика; он не заменит матери нежной.
Лучшего в жизни рано лишен ты, бедный младенец.
Мимо проехал с свитою герцог; в пышный свой замок
Взял он сиротку; там герцогиня благостным сердцем
Бедной сиротке мать заменила. Стала сиротка
Девойю милой, радостью сердца, прелестью взоров;
Милую деву промысел божий щедро осыпал
Всем... но отдаст ли лучшее в жизни, мать и отца, ей?»
С грустной улыбкой цитру свою опустила Ундина;
Песня ее растрогала всех, а герцог с женою
Плакали. Герцог сказал: «Так точно случилось в то утро,
Милая наша сиротка Бертальда, когда милосердный
Бог наградил нас тобою; но права певица, не можем
Лучшего блага земного тебе возратить мы, родную
Мать и родного отца». Ундина снова запела:
«Мать тоскует, бродит, кличет... нет ей ответа;
Ищет, ищет, что ж находит? дом опустелый.
О, как мрачен, как ужасен дом опустелый,
Где дотоле днем и ночью мать в упоенье
Целовала, миловала дочку родную!
Будет снова заниматься ярко денница;
Придут снова дни весенни, благоуханны;
Но денница, дни весенни, благоуханны
Не утешат боле сердца матери бедной;
Все ей чуждо; в целом свете нет ей отрады;
Невозвратно все пропало с дочкой родною». —
«О Ундина! ради бога открой мне! ты знаешь,
Где отец мой и мать; ты этот, этот подарок
Мне приготовила. Где они? Здесь? Отвечай мне, Ундина».

Взор Бертальды, сверкая, летал по собранью; меж знатных
С ними сидевших гостей выбирала она. Но Ундина
Вдруг залилася слезами, к толпе обратилась, рукою
Знак подала и воскликнула: «Где вы? Явитесь,
Найденной дочери вашей отец и мать!» Расступилась
С шумом толпа; из середины ее рыбак и старушка
Вышли; робко глаза устремили они на Ундину.
«Вот она, ваша родная дочь!» — закричала Ундина,
Им указав на Бертальду; и с громким рыданьем на шею
Бросились к ней старики, но Бертальда с пронзительным криком
Их от себя оттолкнула; страх, изумленье, досада
Вдруг на лице ее отразились. Какой нестерпимый,
Тяжкий удар для ее надменной души, ожидавшей
Нового блеска с открытием знатных родителей! Кто же?
Кто же эти родители? Нищие!.. В эту минуту
В мысль ей пришло, что все то придумано хитро Ундиной
С тем, чтоб унижить ее перед светом и рыцарем. «Злая
Ложь! обманщица! подкуп!» — вот что твердила Бертальда,
Гневно смотря на старушку, на мужа ее и Ундину.
«Господи боже! — тихонько старушка шептала. — Какое ж
Злое созданье стала она! а все-таки сердце
Чует мое, что она мне родная». Рыбак же, сложивши
Руки, молился, чтоб бог не карал их, послав им такую
Дочь; а Ундина, как ангел, вдруг утративший небо,
Бледная, в страхе внезапном, не ведая, что с ней
Делалось, вся-трепетала. «Опомнись, Бертальда! Бертальда,
Есть ли душа у тебя?» — она повторяла, стараясь
Доброе чувство в ней возбудить, но напрасно; Бертальда
Точно была вне себя; она в исступленье кричала
Криком; рыбак и старушка плакали горько, а гости,
Станным явленьем таким изумленные, начали шумно
Спорить, кто за Ундину, кто за Бертальду; в ужасный

Все пришло беспорядок, и вот напоследок Ундина,
С чувством своей правоты, с благородством невинности
мирной,

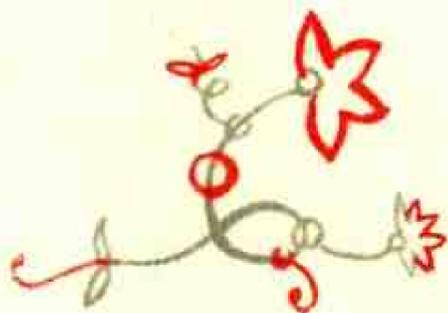
Знак подала рукою, и все замолчали. Смиренно,
Тихо, но твердо сказала она: «Вы странные люди!
Что я вам сделала? Чем раздражила я вас? И за что вы
Так расстроили милый мой праздник? Ах, боже! доньше
Я о ваших обычаях, вашем безумном, жестоком
Образе мыслей не знала, и их никогда не узнать мне.
Вижу, что все безрассудно придумано мной; но причиной
Этому вы одни, а не я. Хотя здесь наружность
Вся на меня, но вы знайте: то, что сказала я, правда,
Нет у меня доказательств; но я не обманщица, слышит
Бог правосудный меня; а все, что здесь о Бертальде
Я говорила, было открыто мне тем, кто в морские
Волны младенцем ее заманил, потом на зеленый
Берег отнес, где и нашел знаменитый наш герцог». —
«Слышите ль? — громко вскричала Бертальда. —

Она чародейка,

Водится с злыми духами; сама при всех признается
В этом она». — «О нет, — Ундина воскликнула с чистым
Небом невинности в мирных очах, — никогда чародейкой
Я не была; мне неведомо адское зло». — «Так бесстыдно
Лжет и клеветает она. Ничем нельзя доказать ей
Здесь, что рыбак отец мне, а нищая — мать. О! покинем
Этот дом и этот город, где я претерпела
Столько стыда». — «Нет, Бертальда, — отвечивал герцог, —
отсюда

Я дотоле не выйду, пока не решится сомненье
Наше вполне». То слыша, старушка приблизилась робко
К герцогу, низко ему поклонилась, и вот что сказала:
«Вы, государь, своим высоким герцогским словом

Вдруг на разум меня навели. Скажу вам, что если
Ваша питомица подлинно дочь нам, то должно, чтоб были
Три родимых пятна, как трилиственник видом, под правой
Мышкой ее и точно такие же три на подошве
Правой ноги. Позвольте, чтоб с нею я вышла». От этих
Слов побледнела Бертальда, а герцог велел герцогине
Выйти вместе с нею и взять с собою старушку.
Скоро назад возвратились они; герцогиня сказала:
«Правда правдой; все то, что здесь объявила хозяйка
Наша, есть сущая истина: эти добрые люди
Точно отец и мать питомицы нашей Бертальды».
С этим словом герцог с женой и с Бертальдой и вместе
С ними, по воле герцога, старый рыбак и старушка
Вышли; гости, кто веря, кто нет, разошлись; а Ундина,
Горько, горько заплакав, упала в объятия мужа.

ГЛАВА XII

о том,
как рыцарь
и Ундина
уехали
из имперского
города

80 Рыцарь с глубоким чувством любви смотрел на Ундину.
«Мною ль, — он думал, — дана ей душа, иль нет, но прекрасней
Этой души не бывало на свете: она как небесный
Ангел». И слезы Ундины с нежнейшим участием друга
Он отирал, целуя ей очи, уста и ланиты.
Город имперский, который ей стал ненавистен, покинуть
Он решился немедля и все велел приготовить
К скорому в замок Рингштеттен отъезду. Вот на другой день
Рано поутру была подана к крыльцу их повозка;
Рыцарев конь и кони его провожатых за нею,
Взнузданы, прыгали, рыли копытами землю; уж рыцарь
Вышел с своей молодою женой и готов был ей руку
Дать, чтоб в повозку ее посадить; но в эту минуту

К ним подошла молодая девушка с неводом, в платье
Рыбной торговли. «Нам товар твой не нужен, мы едем», —
Рыцарь сказал ей. Она заплакала взрыд, и Бертальду
В эту минуту узнали Гульбранд и Ундина; поспешно
Вместе с нею они возвратились в дом, и Бертальда
Им рассказала, как герцог вчерашним ее поведением
Был раздражен, как ее от себя отослал, подаривши
Ей большое приданое, как старик и старушка,
Также богато им одаренные, город того же
Вечера вместе покинули. «С ними хотела пойти я, —
Так продолжала Бертальда в слезах, — но старик, о котором
Все говорят, что он мой отец...» — «Он отец твой, Бертальда,
Точно отец, — сказала Ундина, — ты помнишь, как ночью

К нам подошел седой человек, твой смотритель фонтанов:
Он-то мне все и сказал; меня убеждал он, чтоб в замок
Наш Рингштеттен тебя не брала я с собой, и неволью
Тайна с его языка сорвалась...» — «Ну, отец мой, когда уж
Должен он быть мне отцом, — продолжала Бертальда, —

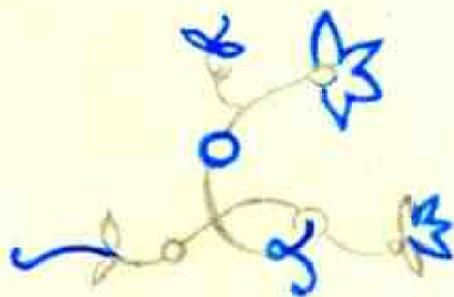
сказал мне

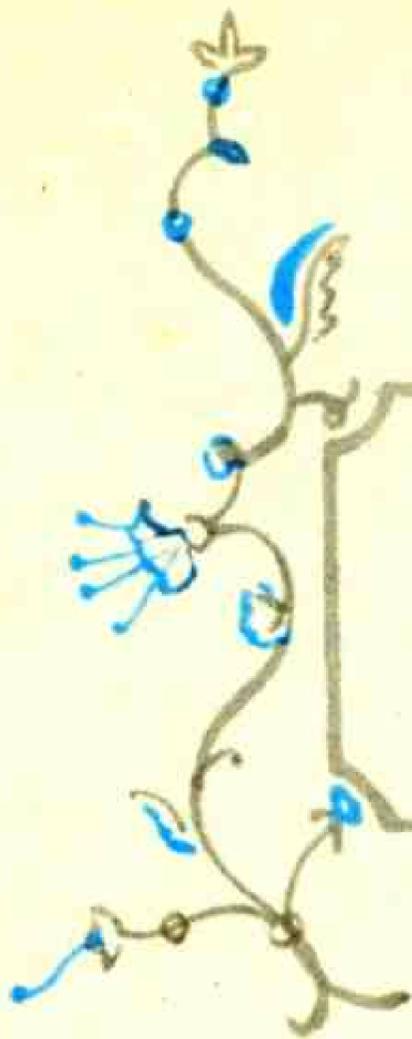
Вот что: «Ты с нами не будешь до тех пор, пока не исправишь
Гордого сердца; осмелся одна через этот дремучий
Лес к нам пройти, тогда я поверю, что нашей роднею
Быть желаешь; но скинь богатый убор; рыбаковой
Дочерью к нам явися...» И я на все уж решилась;
Что он велел, то и будет; меня, несчастную, целый
Свет оставил; бедная дочь рыбака, я в убогой
Хижине жизнь безотрадную скрою и скоро умру там
С горя. Правда, лес волшебный меня устрашает,
Бродят там, слышно, духи, а я так пуглива; но что же
Делать? К вам же пришла я затем, чтоб загладить вчерашний
Свой проступок признаньем вины. О! забудьте, простите!
Я и так уж несчастна безмерно; вспомните, что́ я
Утром вчерашним была, что́ была еще при начале
Вашего пира и что́ я теперь...» Опустивши в ладони
Голову, плакала горько она, и меж пальцев бежали
Слезы. Вся также в слезах, к ней на шею упала Ундина,
Долго безгласна была, напоследок сказала: «Ты с нами
В замок Рингштеттен поедешь; что положили мы прежде,
То и сделаем; только ты будь со мной, как привыкла
Быть; говори мне по-прежнему «ты». Вот видишь ли? В детстве
Нас обменяли одну на другую; тогда уж мы были
Связаны тесно судьбою; сплетем же узел наш сами
Так, чтоб уже никогда никакой человеческой силе
Не было можно его разорвать. Теперь ты поедешь
82 С нами прямо в Рингштеттен; что ж после, как сестры родные,

Мы меж собою разделим, о том успеем, приехав
В замок, условиться». Это услышав, Бертальда взглянула
Робко на рыцаря; милой изгнанницы было не меньше
Жаль и ему; и руку подав ей, вот что сказал он:
«Вверьте себя беззаботно сердцу Ундины. А к вашим
Добрым родителям мы, по прибытии в замок, отправим
Тотчас гонца, чтоб знали они, что сделалось с вами».
Под руку взявши Бертальду, ее посадил он в повозку,
Рядом с нею Ундину и бодро поехал за ними
Рысью и скоком. Повозка летела: скоро имперский
Город пропал далеко назад, с ним вместе пропало
Там и все грустное прошлое; весело шла по прекрасной
Людной стране их дорога, и мало ли, долго ли длился
Путь их, но вот напоследок в один прекраснейший летний
Вечер они приехали в замок Рингштеттен. Был должен
Рыцарь заняться хозяйством своим; молодая ж хозяйка
Вместе с гостьей пошли осматривать замок. Построен
Был на крутой он горе посреди равнин благодатной
Швабии: вид из него был роскошный; и по валу вместе,
За руки взявшись, гуляли Ундина с Бертальдою; вдруг им
Встретился долгий седой человек; Бертальде знакомы
Были черты; когда же Ундина, сердито нахмурясь,
Знак ему подала, чтоб он удалился, и скорым
Шагом, тряся головой, он пошел и пропал за кустами,
В мысли пришло ей, что то ночной городской их знакомец
Был, смотритель фонтанов. «Не бойся, Бертальда, — сказала
Ей Ундина, — уж в этот раз твой несносный фонтанщик
Зла никакого не сделает нам». Тогда рассказала
Все о себе Ундина: кто родом она, как Бертальду
Струй похитил, как к рыбакам попала Ундина
Вместо родной их дочери, словом, все. И сначала
84 В ужас Бертальда пришла от такого рассказа; на сонный

Бред походил он; но скоро она убедилась, что было
Все то правда, и только дивилась тому, что в волшебной
Сказке, когда-то в детстве рассказанной ей, очутилась
Вдруг наяву, живая, сама; все ей в Ундине
Стало чуждо; как будто бы дух бестелесный меж ними
Вдруг протеснился; ей сделалось страшно. Когда ж, возвратясь,
Рыцарь с нежностью обнял Ундину, то было понять ей
Трудно, как мог он ласкаться к такому созданию, в котором
(После того, что Бертальде сама рассказала Ундина)
Виделся ей не живой человек, а какой-то холодный
Призрак, что-то нездешнее, что-то чужое душе человека.

ГЛАВА XIII

о том,
как они жили
в замке
Рингштеттене

Здесь мы с тобой остановимся, добрый читатель; прости мне,
Если тебе о том, что после случилось, не много
Буду рассказывать; знаю, что можно бы было подробно
Мне описать, как мало-помалу рыцарь наш сердцем
Стал от Ундины далек и близок к Бертальде, как стало
Сердце Бертальды ему отвечать и час от часу жарче
Тайной любовью к нему разгораться, как стали Ундины
Он и она дичиться и в ней существо им чужое
Видеть, как Ундина плакала, как пробуждали
Слезы ее заснувшую совесть Гульбранда, а прежней
В нем любви уже пробудить не могли, как порою
Жалость его к Ундине влекла, а ужас невольно
Прочь отталкивал, сердце ж стремил к Бертальде, созданью
86 С ним однородному... знаю, что это все я умел бы,

Добрый читатель, порядком тебе рассказать; но позволь мне
Лучше о том позабыть, что так больно душе; испытали
Все мы неверность здешнего счастья; ты сам, вероятно,
Был им обманут, таков уж земной человеческий жребий.
Счастливы еще, когда при разделе житейского был ты
Сам назначен терпеть, а не мучить; на свете сем доля
Жертвы блаженней, чем доля губителя. Если сей лучший
Жребий был твой, читатель, то, может быть, слушая нашу
Повесть, ты вспомнишь и сам о своем миновавшем, и тихо
Милая грусть тебе через душу прокрадется, снова
То, что прошло, оживет, и ты слезу сожаленья
Бросишь опять на цветы, которыми так любовался
Прежде на грядках своих, давно уж растоптанных. Полно ж,
Полно об этом, читатель. Послушай, и с доброй Ундиной

То же сбылось, что и с нами со всеми: Ундина страдала,
Но и Гульбранд и Бертальда не были веселы. Всякий
Раз, когда Ундина хоть мало была несогласна
В чем с Бертальдой, последней казалось, что ревность владела
Сердцем обиженной бедной жены; и мало-помалу
Вид госпожи, причудливо-грубой и гордой, Бертальда
С ней приняла; Ундина с грустным незлобием молча
Все сносила; а рыцарь всегда стоял за Бертальду.
Боле ж всего с недавнего времени вот что согласие
Жителей замка стало тревожить: Гульбранд и Бертальда
Начали вдруг на всех переходах, во всех закоулках
Замка встречать привиденья, о коих дотоле и слуху
Не было; белый, седой человек, в котором проказник
Дядя Струй Гульбрандом, смотритель фонтанов Бертальдой
Узнаны были, стал им повсюду обоим, Бертальде ж
Чаще, являться с угрозой, так что Бертальда от страха
Стала больна и даже решила бы замок покинуть,
Если б имела где угол какой для приюта; но честный
Наш рыбак на письмо Гульбранда, которым тогда же
Рыцарь его известил, что Бертальда едет в Рингштеттен,
Вот что ответствовал: «Я по воле господа бога
Стал одинокий, бедный вдовец; скончалась старушка
Женка моя; хоть теперь мне дома и пусто, но лучше
Быть хочу я один, чем с Бертальдой; пускай остается
С вами, но только чтоб не было худа какого Ундине
Милой моей от того; тогда ее прокляну я».
Так-то, сколько неволей, столько и волей, осталась
В замке Бертальда. Вот однажды случилось, что рыцарь
Выехал. Скликав дворовых людей, Ундина велела
Камень один огромный поднять и его на колодезь,
Бывший на самой середине двора, наложить. «Нам далёко
88 Будет ходить за водою», — заметили слуги. Но с грустным,

Ласковым видом, с унылой улыбкой сказала Ундина:
«Дети, сама бы за вас я с охотою стала в кувшинах
Воду носить; но этот колодезь, поверьте мне, должно,
Должно закрыть нам, иль с нами случится большое несчастье».
Всем служителям было приятно угодное сделать
Доброй своей госпоже; без дальних расспросов огромный
Камень был поднят; и он, показалось, как будто бы доброй
Волей давшись им в руки, с земли поднялся и как будто
Сам рванулся колодезь задвинуть. Но в эту минуту
К ним прибежала из замка Бертальда. «Не троньте колодца, —
Громко она закричала: — его вода умываньем
Лучшим мне служит; его запереть никак не позволю».
Но Ундина с своим обычным смиреньем на этот
Раз осталась в воле своей непреклонна. «Я в здешнем
Замке хозяйка, — сказала она, улыбаясь прискорбно, —
Мне за всем наблюдать; и здесь мне приказывать может
Только рыцарь, мой муж и мой господин». — «Посмотрите, —
С сердцем вскричала Бертальда, — подумать можно, что этой
Бедной, невинной воде самой не хочется с божьим
Светом расстаться: как жалко она трепещет и бьется!»
В самом деле, чудно кипя и шипя, из-под камня
Ключ пробивался, как будто спеша убежать, и как будто
Что из него исторгнуться силой хотело. Тем с большей
Строгостью свой приказ повторила Ундина; охотно
Был он исполнен: Ундину любили, а гордость Бертальды
Всех от нее удаляла, и каждому было приятно
Той угодить, а этой сделать досаду; и камень
Крепко-накрепко устье колодца задвинул. Ундина
Тихо к нему подошла, над ним задумалась, что-то
Пальчиком нежным своим на нем написала, в молчанье
Грустном потом посмотрела вокруг себя и, вздохнувши,
Медленным шагом в замок пошла. На камне ж остались

Видны какие-то странные знаки, которых дотол
Не было там. Вечеру, когда Гульбранд возвратился
В замок Рингштеттен, Бертальда ему в слезах рассказала
То, что случилось с колодцем. Сурово взглянул на Ундину
Рыцарь; она стояла, головку склоня и печально
В землю глаза опустив; но однако, собравшись с духом,
Вот что шепнула в ответ: «Всегда справедлив господин мой;
Он и раба не осудит, не выслушав; тем наипаче
Мне, законной жене, он позволит в свое оправданье
Слово сказать». — «Говори», — сердито отвечивал рыцарь.
«Я бы желала, чтоб был ты один», — сказала Ундина.
«Нет, при ней!» — Гульбранд возразил, указав на Бертальду.
«Я исполню волю твою, — она продолжала, —
Но не требуй того, прошу, умоляю, не требуй».
Голос ее был так убедителен, очи так нежны,
Все в ней являло такую покорность, что в сердце Гульбранда
Солнечный луч минувших дней пробежал; он Ундину
Дружески за руку взял и в ближнюю горницу с нею
Вышел; и вот что ему сказала она: «Уж коварный
Дядя мой Струй довольно известен тебе; не один раз встречался
Он с тобою здесь в замке; Бертальде же так он
Страшен, что может она умереть. Он бездушен, он просто
Отблеск стихийный наружного мира; что в жизни духовной
Здесь происходит, то вовсе чуждо ему; здесь глядит он
Только на внешность одну. Замечая, как ты недоволен
Мной иногда бываешь, как я, неразумный младенец,
Плачу, как в то же время Бертальду, случайно быть может,
Что-нибудь заставляет смеяться, в своем безрассудстве
Видит он то, чему здесь и признака нет, колобродит,
Злится и в наши дела незваный мешается; пользы
Нет от того никакой, что ему я грожу и гоняю
92 С сердцем отсюда его; он мне, упрямый, не верит; в бездушной,

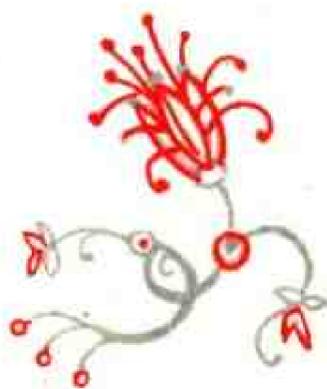
Бедной жизни своей никогда не будет способен
Он постигнуть того, что в любви и страданье и радость
Так пленительно сходны, так близко родня, что разрознить
Их никакая сила не может: с улыбкою слезы
Сладко сливаются, слезы рождают улыбку». И очи,
Полные слез, с улыбкой поднявши, она исподлобья
Робко смотрела Гульбранду в лицо; и все трепетанье
Прежней любви он почувствовал в сердце; Ундина глубоко
То поняла, к нему прижалась нежней и в блаженстве
Радостных слез продолжала: «Когда словами не можно
Нам бестолкового дядю Струя унять, то затворим
Вход ему в замок; единственный путь, которым сюда он
Может свободно всегда проникать, есть этот колодезь;
Он с другими духами здешних источников в ссоре;
Царство ж его начинается ниже, вдоль по Дунаю.
Вот для чего я на камне, которым колодезь задвинут,
Знаки свои написала: они беспокойного дядю
Струя власти лишили, и он ни тебя, ни Бертальду
Боле не будет тревожить; он камня не сдвинет. Но людям
Это легко; ты можешь исполнить желанье Бертальды;
Но, поверь мне, она не знает, чего так упрямо
Требует; Струй на нее особенно злится. А если
Сбудется то, что он предсказал мне (хотя и без всякой
Мысли худой от тебя), то и сам ты, мой милый, не будешь
Вне опасности». Рыцарь, глубоко проникнутый в сердце
Великодушным поступком своей небесной Ундины,
Обнял ее с горячностью прежней любви. «Мы не тронем
Камня; отныне ж и все, что ты когда ни прикажешь,
Будет в замке от всех, как теперь, исполняемо свято,
Друг мой Ундиночка». Так ей рыцарь сказал, и Ундина,
Руку целуя его в благодарность за милое, столько
Времени им позабытое слово любви, прошептала

Робко: «Милый мой друг, ты ныне со мной так безмерно
Милостив, ласков и добр, что еще об одном попрошу я.
Видишь ли? Ты для меня как светлое лето; в сильнейшем
Блеске своем оно иногда себя покрывает.
Огненно-грозным венцом громовых облаков и владыкой,
Истинным богом земли нам является; точно таков ты
Кажешься мне, когда, на меня прогневан бывая,
Грозно сверкаешь, гремишь и очами и словом; и в этом,
Милый, твоя красота, хотя и случится порою
Мне, безрассудной, плакать; но слушай, друг мой: воздержен
Будь на водах от гневного слова со мною; единым
Словом таким меня передашь ты в волю подводных
Сродников; мстя за обиду их рода, они невозвратно
В море меня увлекут, и там в продолжение целой
Жизни я буду под влажно-серебряным сводом в неволе
Плакать, и мне уж к тебе не прийти; а если приду я...
Боже! то это будет и пуще тебе на погибель.
Нет, мой сладостный друг, избавь меня от такого
Бедствия». Рыцарь торжественно дал обещанье исполнить
Просьбу ее, и они с веселым лицом возвратились
В горницу, где их Бертальда ждала. Она уж успела
Слуг к колодцу послать, чтоб они, по первому знаку
Рыцаря, камень свалили с него. «Не трогайте камня, —
Холодно рыцарь сказал, — и помните все, что Ундина
В замке моем одна госпожа, что ее приказанья
Святы». При этом слове Бертальда, в лице изменившись,
Скрылась. Вот уж и ужина час наступил, а Бертальды
Не было. Рыцарь послал за нею, но вместо Бертальды
В спальне ее опустевшей нашли записку на имя
Рыцаря; вот что стояло в записке: «Вы приняли, рыцарь,
В дом свой меня, недостойную дочь рыбака, и о низком
Роде своем я безумно забыла; за то в наказанье

Доброю волей иду я к отцу рыбаку, чтоб, в убогой
Хижине скрывшись, о счастье земном не мечтать;

наслаждайтесь

Долго им вместе с вашей прекрасной супругой». Ундина
Сильно была опечалена; рыцаря вслед за Бертальдой
Стала она посылать — ее убеждения, однако,
Были не нужны; он сам на то был готов. Но в какую
Сторону ехать за ней? Никто об этом не ведал.
Рыцарь сидел на коне и хотел уж свой путь наудачу
Выбрать, как вдруг явился пастух и сказал, что Бертальда
Встретилась с ним у входа Черной Долины; стрелою
Рыцарь пустился туда, не слыша того, что в окошко
Вслед за ним кричала Ундина: «Не езд! не езд,
Милый! постой! Гульбранд, берегися Черной Долины!
Стой! назад! иль, бога ради, позволь мне с собою
Ехать!..» Но рыцарь уж был далеко. Ундина поспешно
Села сама на коня и одна за ним поскакала.

ГЛАВА XIV

о том,
как отыскалась
Бертальда

Эта долина, в то время слывшая Черной Долиной,
Очень близко была от замка, а как называют
Нынче ее, неизвестно; тогда ж поселяне ей имя
Черной дали за то, что глубоко сред диких утесов,
Елями густо заросших, лежала она, что кипучий,
Быстрый поток, на скалистом дне ущелья шумевший,
Черен меж елей бежал и что небо нигде голубое
В мутные воды его не светило. В сумерки стало
Вдвое темней и ужасней меж елей и диких утесов.
Рыцарь с трудом пробирался вдоль берега; страшно
Было ему за Бертальду, и засветло встретиться с нею
Он торопился; по всем сторонам с напряженным вниманьем
Взор обращал он, и сердце в нем билось сильней;

Думал: что будет с нею, если заблудится в этом
Диком месте, ночью и в грозу, которая черной,
Тяжкой тучей шла на долину? Вдруг показалось
Белое что-то ему в потемках, на склоне утеса;
Он подумал, что было то платье Бертальды, и шпорить
Начал коня; но конь захрапел, уперся и, уши
Чутко подняв, не шел ни назад, ни вперед; чтоб напрасно
не тратить
Времени, рыцарь спрыгнул с седла, к опрокинутой ветром
Ели коня привязал и пеший вперед пробираться
Начал кустами; он спотыкался; упорные ветви
Били его по лицу и как будто нарочно сплетались
Сетью, чтоб дале не мог он итти; он ломал их, а небо
Тою порою все боле и боле мрачилось, и глухо

Гром гремел по горам, и все кругом становилось
Станным таким, что он уж и робость чувствовать начал.
Глядя на белый образ, к которому ближе и ближе
Все подходил и который лежал на земле неподвижно.
С духом собравшись, к нему, наконец, подступил он; сначала
Сучьями тихо потряс, мечом позвенел — никакого
Нет ответа. «Бертальда! Бертальда!» — он начал сначала
Тихо, потом все громче кликать — ответа
Все ему нет. Наконец закричал он так громко, что эхо
Вместе с ним закричало повсюду: «Бертальда!» — напрасно;
То же молчанье. Тогда он к ней наклонился; но было
Так уж темно, что, не могши под носом видеть, пригнулся
К самой земле он лицом, и в эту минуту сверкнула
Яркая молния; все осветилось, и что же в блеске увидел
Рыцарь? Под самым лицом его отразилась из черной
Тьмы безобразно-свирепая харя, и голос осиплый
Взвыл: «Поцелуйся со мной, пастушок дорогой!» Приведенный
В ужас, кинулся рыцарь назад; но свирепая харя
С визгом и хохотом кинулась вслед. «За чем ты? Куда ты?
Духи на воле! назад! убирайся! иль будешь ты нашим!» —
Вот что выла она, и длинные руки хватали
Рыцаря. «Струй проклятый! — Гульбранд закричал,
ободрившись. —

Это твои проказы! постой, я тебя поцелую!»
Сильно он треснул по харе мечом; она разлетелась
В брызги, и рыцарь пеной, шипящей, как хохот, был облит
Весь с головы до ног; тогда объяснилось, с кем он
Дело имел. «Меня удержать он, я вижу, намерен, —
Рыцарь громко сказал, — он думает, я испугаюсь
Щуток бесовских его и Бертальду бедную брошу
Злому духу во власть. Демон бездушный не знает,
Как всемогущ человек своей непреклонною волей!»

Сам он почувствовал истину слов сих; новая бодрость
В нем родилась, и как будто бы счастье с этой минуты
Стало с ним заодно: к своему коню возвратиться
Он еще не успел, как уж явственно сделался слышен
Жалобный голос Бертальды, зовущей на помощь сквозь шумный
Ветер и говор грозы, подходивший час от часу ближе.
Он полетел на крик и увидел Бертальду. Из страшной
Черной Долины сляся выйти, она по крутому
Боку ее тащилась кверху; тут заступил ей
Рыцарь дорогу; и как ни твердо, в своей оскорбленной
Гордости, прежде решила она на побег, но встретить Гульбранда
Было ей радостно; ужас, испытанный ею в дороге,
Сердце ее усмирил, а светлая жизнь в безмятежном
Замке так ласково руки к ней простирала, что рыцарь
Тотчас ее за собою итти убедил. Но Бертальда
Силы почти не имела; Гульбранд с большим затруднением
Мог ее до коня своего довести; и помочь ей
Сесть на седло он хотел, чтоб, коня отвязав, за собою
Весть его в поводах; но конь, испуганный Струем,
Был как зверь: он злился, храпел, на дыбы подымался,
Задом и передом бил; Бертальде даже и близко
Было нельзя подойти. Пошли пешком: осторожно
Рыцарь спутницу под руку вел, а коня за собою
Силой тащил за узду; Бертальда едва подвигала
Ноги и как ни боролась с собой, но усталость давила
Члены ее, как свинец; а буря, удар за ударом
Грома, сверканье молнии, шум деревьев во мраке,
Злая игра привидений... словом, Бертальда, слияньем
Ужасов сих изнуренная, пала на землю; и в то же
Время рыцарев конь, как будто взбесившийся, начал
Снова метаться и рваться. Рыцарь, боясь, чтоб в Бертальду
Он не ударил, хотел от нее отойти; но Бертальда

С воплем его начала умолять, чтоб остался. На волю ж
Злого коня пустить он не смел: он боялся, что этот
Дикий зверь, набежав на лежащую, тяжким копытом
Грянет в нее: короче, на что решиться, что делать,
Рыцарь не знал. И вдруг он обрадован был недалеким
Стуком колес: каменистой дорогой, он слышал, тащилась
Фура. Гульбранд закричал, чтоб им помогли; грубоватый
Голос мужской откликнулся; скоро в потемках мелькнули
Две огромные белые лошади, с ними погонщик
Роста огромного, в белом плаще; и фура покрыта
Белой холстиной была, как все повозки с товаром.
«Стойте, клячи!» — крикнул погонщик, и лошади стали.
Он подошел к Гульбранду, который с конем одичалым
Все еще бился. «Я вижу, в чем дело, — сказал он, — с моими
Белыми то же случилось, когда я в первый раз с возом
Этой долиной тащился; здесь гнездится какой-то
Бес водяной: он великий проказник, проезжим покоя
Нет от него; но мне удалось сведать словечко;
Дай-ка шепну я его упрямой этой лошадке
На ухо». — «Делай, что хочешь, но только скорее», —

воскликнул

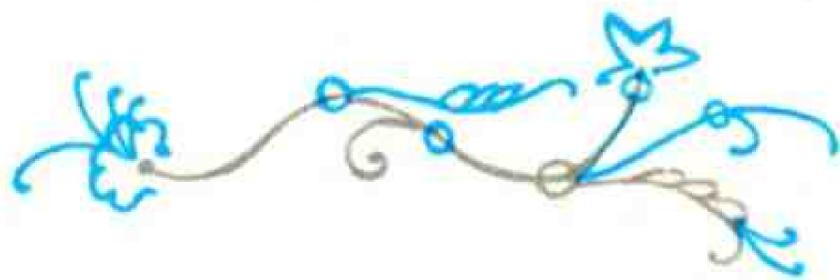
Рыцарь, кипя нетерпеньем. Погонщик, как слабую ветку,
Вытянул шею коню, на дыбы вскочившему; что-то
В ухо ему шепнул, и как вкопанный стал он, лишь только
Жарко пыхтел, и пар от него подымался. Не время
Было Гульбранду расспрашивать, как совершилось чудо;
Он убедил погонщика взять в повозку Бертальду,
Сам же хотел провожать ее на коне; но усталый
Конь едва шевелил ногами. «Садитесь-ка, рыцарь,
В фуру и вы, — погонщик сказал, — дорога отсюда
Под гору будет; коня же привяжем сзади повозки».
Рыцарь сел с Бертальдою в фуру, коня привязали

Сзади, бичом захлопал погонщик, дернули дружно
Лошади, фура поехала. Было темно; утихая,
Глухо вдали гремела гроза; в усладительно-мирном
Чувстве своей безопасности, в сладком покое, волшебном
Мраке ночи, свободе речей благосклонном меж ними
Скоро сердечный, живой разговор начался: в выраженьях
Ласковых рыцарь Бертальде пенял за побег. Торопливо,
Трепетным голосом, вся в волненье Бертальда проступок
Свой извиняла, и речи ее таинственно-ясны
Были, как свет лампы, когда он во мраке от милой
Милому знак подает, что его ожидают. Рыцарь
Был в упоенье. Но вдруг пробудил их погонщиков голос.
«Клячи, тяните живее! — кричал он, — дружно! беда нам!»
Рыцарь поспешно из фуры выглянул — что ж он увидел?
Лошади, по брюхо в мутной воде, не шагали, аплыли;
Не было видно колес: они, как на мельнице, с шумом,
С пеной и с брызгами резали волны; погонщик на козлы
Влез и правил стоймя, и был уж в воде по колено.
«Что за дорога такая? — спросил у погонщика рыцарь. —
Прямо идет в середину потока». — «Напротив! — погонщик
С смехом сказал: — поток идет в середину дороги;
Видите сами; это сущий потоп; мы пропали».
Подлинно, вся глубина долины кипела волнами;
Выше и выше они подымались. «Это злодей наш
Струй! утопить нас он хочет, — рыцарь воскликнул. — Товарищ,
Нет ли и против него у тебя какого словечка?» —
«Есть словечко, — погонщик сказал, — да надобно прежде
Сведать вам, кто я и как прозываюсь!» — «Не время загадки
Нам загадывать, — рыцарь сказал, — вода прибывает;
Имя твое здесь не нужно». — «А так-то не нужно, — погонщик
С диким хохотом гаркнул, — что, просим не гневаться, сам я
Струй!» — И ужасную харю свою он усталил в повозку...

Но повозка уж боле была не повозка, уж были
Лошади боле не лошади; все разлетелось, расшиблось
В пену, в шипучую воду, и сам погонщик поднялся
Страшной волной на дыбы, и коня, который напрасно
Рвался и бился, умчал за собой в глубину, и ужасно
Начал снова расти и расти, и горой водяною
Вырос, и был уж готов на Бертальду и рыцаря, силой
Волн увлеченных, упасть, чтоб громадой своей задавить их...
Вдруг сквозь шум гармонически-сладостный голос раздался;
Вышел из облака месяц, и в свете его над долиной явился
Образ Ундины; она погрозила волнам — и, разбившись
Пылью, гора водяная, ворча и журча, убежала;
В блеске месяца мирно поток заструился; и белым
Голубем свеяла тихо Ундина в долину; и, руку
Рыцарю вместе с Бертальдой подав, на муравчатый берег
Их за собой увела; там они отдохнули; Ундинин
Конь был отдан Бертальде; за нею пешком потихоньку
Рыцарь с женою пошли; и так возвратились все в замок.

ГЛАВА XV

о том,
как они
ездили в Вену

С этой поры, мой читатель, жилось покойно и мирно
В замке Рингштеттене. Рыцарь все чувствовал боле и боле
Прелесть небесную доброго сердца Ундины, забывшей
Все для спасенья соперницы. В доброй Ундине
Всякая память о прошлом исчезла: она беззаботным
Сердцем любила и, зная, что шла прямою дорогой,
Ясную в нем питала доверенность; все в настоящем
Было ей радостно; в будущем все улыбалось. Бертальда,
Снова ей с прежней любовью всю душу отдав, благодарной,
Кроткой и нежной являлась; короче, замок Рингштеттен
Стал обителью светлого счастья. Дни пролетали
Быстро за днями; зима наступила; зима миновалась;
Вот и весна с благовонно-зеленой своей муравою,
С светло-лазоревым небом своим улыбнулась веселым

Жителям замка; стало на сердце их радостно, стало и смутно.
Что ж тут дивиться, если, при виде, как в воздухе вешнем
Нитью вились журавли и легкие ласточки мчались,
Стало и их позывать в далекую даль. Раз случилось
Рыцарю вместе с женой и Бертальдой в прекрасное утро
Около светлых истоков Дуная гулять; им об этой
Славной реке он рассказывал много: как протекала
Пышным, широким потоком она по землям благодатным,
Как на ее берегах прекрасная Вена сияла,
Как по ней величаво ходили суда, как бежали
Мимо плывущих назад берега, услаждая их очи
Зрелищем пажитей, нив, городов и рыцарских замков.
«О! — сказала Бертальда, — как было бы весело съездить
В Вену водой...» — но, опомнясь, она покраснела и взоры

Робко потупила. Милым ее смущеньем Ундина
Тронувшись, руку ей подала, и в ней загорелось
Сильно желанье утешить подругу свою. «Да за чем же
Дело стало? — сказала она. — Ничто не мешает
Съездить нам в Вену». Бертальда запрыгала с радости. Вместе
Стали они учреждать поездку свою и заране
Тем, что представится им на пути, восхищались. И рыцарь
С ними был заодно; Ундине, однако, шепнул он:
«Вспомни о Струе; ведь он могуч на Дунае». — «Не бойся, —
С смехом сказала Ундина, — пускай он попробует сделать
Что-нибудь с нами; я тут! при мне уж никак колобродить
Он не посмеет». Ответом таким уничтожены были
Все затрудненья, и с бодрым духом, с веселой надеждой
Стали готовиться в путь. Но скажите мне, добрые люди,
Все ли сбывается так на земле, как надежда сулит нам?
Хитрая Власть, стерегущая нас для погибели нашей,
Сладкие песни, чудные сказки подмеченной жертве
На ухо часто поет, чтоб ее убаюкать. Напротив,
Часто спасительный божий посланник громко и страшно
В двери наши стучится. Как бы то ни было, наши
Путники весело плыли в первые дни по Дунаю:
День ото дня река становилася шире и виды
Пышных ее берегов живописней. Но вдруг — и на самом
Чудно-преlestном месте — открыл свои нападенья
Бешеный Струй; то были сначала простые помехи
(Волны бурлили без ветра; ветер отсюда, меняясь,
Дул и судно качал); но Ундина одною угрозой,
Словом сердитым одним на воздух и в воды смиряла
Силу врага; то было, однако, ненадолго: снова
Он гомозился, и снова Ундина его унимала;
Словом сказать, веселость дороги расстроилась вовсе.
В то же время гребцы, дивясь тому, что в глазах их

Делалось, между собою часто шептались; и скоро
Стали на все с подозреньем посматривать; самые слуги
Рыцаря, чувствуя что-то недоброе, диким и робким
Взором следили господ; а Гульбранд, задумавшись грустно,
Сам про себя говорил: «Таково-то бывает, как скоро
Здесь неровные сходятся; худо, если вступает
В грешный союз земной человек с женой водяною».
Вот что, однако, себе в утешенье твердил он: «Ведь прежде
Сам я не ведал, кто она; правда, тяжело порою
Мне приходит от этой бесовской родни; но мое здесь
Горе, вина ж не моя». Хотя иногда и вливал он
Несколько бодрости в душу свою таким рассужденьем,
Но зато, с другой стороны, все боле и боле
Против бедной Ундины был раздражаем. То слишком,
Слишком она понимала, и в смертную робость угрюмый
Рыцарев вид ее приводил. Утомленная страхом,
Горем и тщетной борьбой с необузданным Струем, присела
Под вечер к мачте она, и движение тихо плывущей
Лодки ее укачало: она погрузилась в глубокий
Сон. Но едва на мгновенье одно успели закрыться
Светлые глазки ее, как вдруг перед каждым из бывших
В лодке, в той стороне, куда он смотрел, появилась,
Вынырнув с шумом из вод, голова с растворенным зубастым
Ртом и кривлялась, выпучив страшно глаза. Закричали
Разом все; отразился на каждом лице одинакий
Ужас, и каждый в свою указывал сторону с криком:
«Здесь! сюда посмотри!» И из каждой волны создалась
Вдруг голова с ужасным лицом, и поверхность Дуная
Вся как будто бы прыгала, вся сверкала глазами,
Щелкала множеством зуб, хохотала, гремела, шипела,
Шикала. Крик разбудил Ундину, и вмиг при воззренье
Гневом ее пропали страшилища все. Но рыцарь ужасно

Был раздражен; с умоляющим взглядом Ундина сказала:
«Ради бога, здесь на водах меня не брани ты».
Он умолкнул, сел и задумался. «Друг мой, — шепнула
Снова Ундина, — не лучше ль нам дале не ездить? Не лучше ль
В замок Рингштеттен обратно отправиться? В замке
Будем спокойны». — «Итак, — проворчал, нахмурившись, рыцарь, —
В собственном доме своем осужден я жить как невольник!
Только до тех пор и можно дышать мне, пока на колодце
Будет камень! Чтоб этой проклятой родне...» Но Ундина
Речь его перебила, с улыбкой ему наложивши
На губы руку. Опять замолчал он, вспомнив о данном
Им обещанье Ундине. В эту минуту Бертальда,
В мыслях о том, что делалось с ними, сидела на крае
Лодки и в воды глядела; сама того не заметив,
С шеи своей она сняла ожерелье, подарок
Рыцаря; им водила она по поверхности ровных
Вод, любуясь, как будто сквозь сон, сверканьем жемчужных
Зерен в прозрачной, вечерним лучом орудянной влаге.
Вдруг расступилась вода, и кто-то, огромную руку
Высунув, ею схватил ожерелье и быстро пропал с ним.
Вскрикнула громко Бертальда, и хохот пронзительный грянул
Отзывом крика ее по водам. Тут более рыцарь
Гнева не мог удержать; он вскочил в исступленье и в реку
Начал кричать, вызывая на битву с собой всех подводных
Демонов, никс и сирен; а Бертальда своим безутешным
Плачем о милой утрате и пуще его раздражала.
Тою порою Ундина, к реке наклоняясь, окунула
Руку в прозрачные волны и что-то над ними шептала;
Но поминутно она прерывала свой шопот. Гульбранду
Голосом нежным твердя: «Возлюбленный, милый, подумай,
Где мы; брани их, как хочешь; со мной же ни слова; ни слова,
Ради бога, со мною одною; ты знаешь». И рыцарь

Как ни был раздражен, но ее пощадил. Вдруг Ундина
Вынула влажную руку из вод, и в ней ожерелье
Было из чудных кораллов; своим очарованным блеском
Всех ослепило оно. Его подавая Бертальде,
«Вот что, — сказала она, — для тебя из реки мне прислали,
Друг мой, в замену потери твоей. Возьми же, и полно
Плакать». Но рыцарь в бешенстве кинулся к ней, ожерелье
Вырвал, швырнул в Дунай и воскликнул: «Ты с ними
Все еще водишь знакомство, лукавая тварь! пропади ты
Вместе с своими подарками, вместе с своею роднею!
Сгинь, чародейка, от нас и оставь нас в покое!..» С рукою,
Все еще поднятой вверх, как держала она ожерелье,
Бледная, страхом убитая, взор неподвижный, но полный
Слез устремив на Гульбранда, Ундина его слова роковые
Слушала; вдруг начала, как милый ребенок, который
Был без вины жестоко наказан, с тяжким рыданьем
Плакать и вот что сказала потом истощенным от горя
Голосом: «Ах, мой сладостный друг! ах, прости невозвратно!
Их не бойся; останься лишь верен, чтоб было мне можно
Зло от тебя отвратить. Но меня уводят; отсюда
Прочь мне должно на всю молодую жизнь... о мой милый,
Что ты сделал! ах, что ты сделал! о горе! о горе!..»
Тут из лодки быстро она в реку ускользнула:
В воду ль она погрузилась, сама ли водой разлилася,
В лодке никто не приметил; было и то и другое,
Было ни то ни другое. Следа не оставив, в Дунае
Вся распустилась она; но долго мелкие струйки
Около судна шептали, журчали, рыдая; и вслух доходили
Внятно как будто слова: «О горе! будь верен! о горе!..»
С жалобным криком рыцарь упал, и обморок сильный
Душу ему на минуту отвел от тяжелой муки.

ГЛАВА XVI

о том,
что после
случилось
с рыцарем

Как нам, читатель, сказать: к сожаленью иль к счастью, что наше
Горе земное ненадолго? Здесь разумею я горе
Сердца, глубокое, нашу всю жизнь губящее горе,
Горе, которое с милым, потерянным благом сливает
Нас воедино, которым утрата для нас не утрата,
Смерть вдвоем бытие, а жизнь порыв непрерывный
К той черте, за которую милое наше из мира
Прежде нас перешло. Есть, правда, много избранных
Душ на свете, в которых святая печаль, как свеча пред иконой,
Ярко горит, пока догорит; но она и для них уж
Все не та под конец, какою была при начале,
Полная, чистая; много, много иного чужого
Между утратою нашей и нами уже протеснилось;
Вот наконец и всю изменимость здешнего в самой

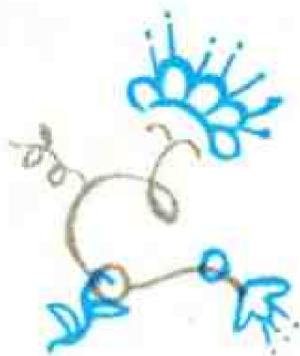
Нашей печали мы видим... итак, скажу: к сожаленью,
Наше горе земное ненадолго. Это и рыцарь
Также изведаль — к худу ль, к добру ль своему, мы увидим.
Он сначала только и мог, что плакать, так горько
Плакать, как плакала бедная, кроткая, ангел доброты, Ундина,
Стоя в лодке, когда он отнял у ней ожерелье,
Коим она все поправить так мило хотела; потом он
Так же и руку вверх подымал, как Ундина, и снова
Плакал, и весь изойти слезами хотел. И Бертальда
Вместе с ним плакала искренно, горько. Друг подле друга
В замке Рингштеттене тихо жили они, сохраняя
Свято память Ундины и вовсе почти позабывши
Прежнюю склонность. К тому же в это время случалось
Часто и то, что Гульбранда во сне посещала Ундина:

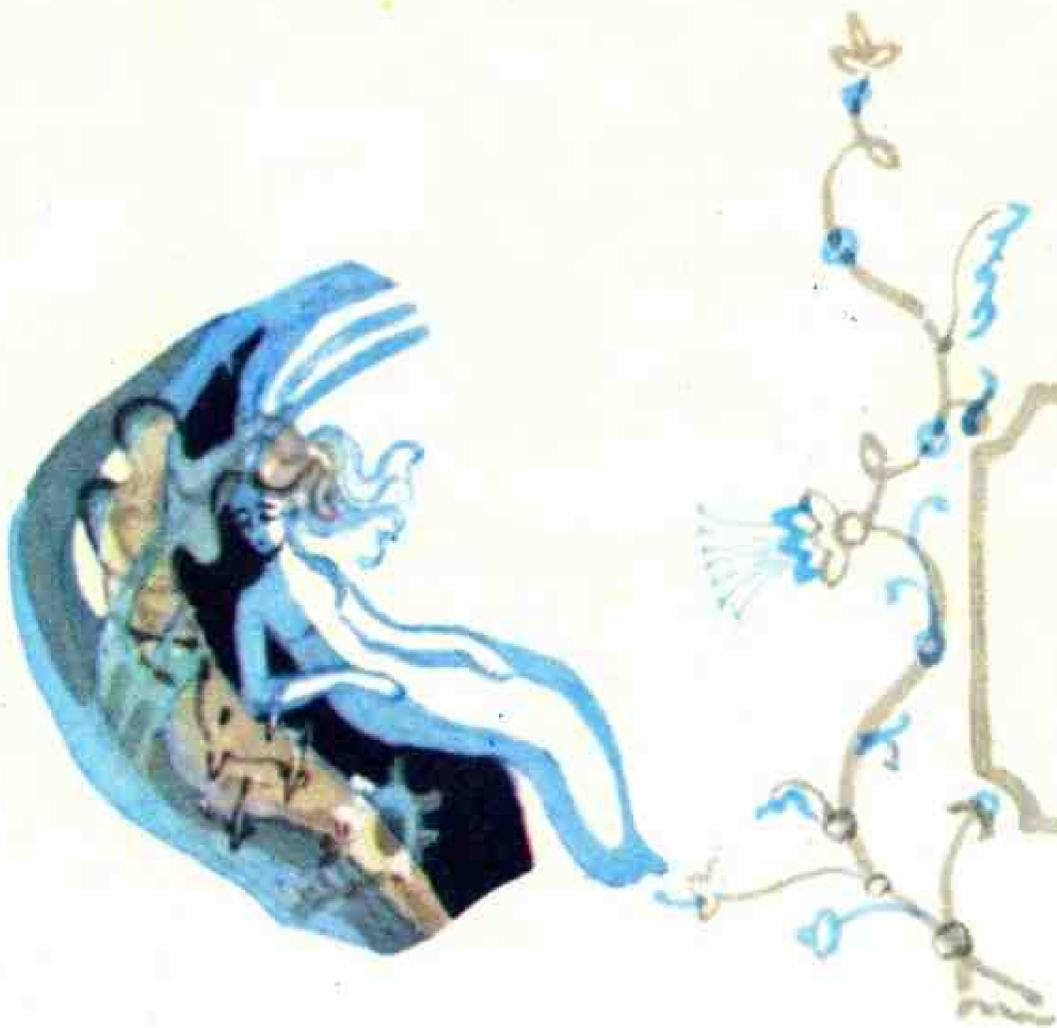
Грустно к постеле его подходила она, и смотрела
Пристально в очи ему, и плакала молча, и тихо.
Тихо потом назад уходила, так что, проснувшись,
Сам он наверно не знал, его ли, ее ли слезами
Были так влажны щеки его. Но вот напоследок
Эти сны об Ундине стали час от часу реже;
Стало на сердце рыцаря тише; в нем скорбь призаснула.
Но, быть может, что он для себя ничего и придумать
В жизни не мог бы иного, как только чтоб память Ундины
Верно хранить и об ней горевать, когда б не явился
В замке наш честный старый рыбак и не стал от Гульбранда
Требовать дочери. Сведая по слуху о том, что с Ундиной
Сделалось, доле терпеть он уже не хотел, что Бертальда
В замке одном жила с неженатым. «Рада ль, не рада ль
Будет мне дочь, о том я теперь и знать не желаю, —
Он говорил, — но где о честном имени дело,
Там разбирать уж нельзя». С приходом его пробудилось
В рыцаре прежнее чувство, им позабытое вовсе
В горе по милой Ундине; притом же его ужаснула
Мысль: одному в опустевшем замке остаться. Но много
Против брака с Бертальдой отец говорил в возраженье:
«Точно ль Ундины на свете не было? Впрочем — на дне ли
Влажном Дуная тело ее неотпетым лежало,
Море ль его без приюта носило своими волнами —
Все Бертальда отчасти ее безвременной, жалкой
Смерти причиной была, и великий грех заступить ей
Место бедной жены, от нее пострадавшей». Хоть это
Было и правда, но рыцарь стоял на своем; напоследок
С ним согласившись, рыбак остался в замке. И тотчас
Был отправлен гонец за отцом Лаврентием с зовом
В замок Рингштеттен; Гульбранду хотелось, что тот же,
кем первый

Брак с Ундиной его в счастливые дни совершен был,
Ныне и с новой женою его сочетал. Но священник,
С страхом каким-то посланника выслушав, тотчас
В путь отправился; день и ночь, несмотря на усталость —
Было ль ненастье, иль ясное время, — он шел. «Помоги мне,
Господи, зло отвратить», — он молился. И вот напоследок
Вечером поздним одним он вступил на двор, осененный
Старыми липами, замка Рингштеттена. Рыцарь с невестой,
Веселы, рядом с ними рыбаки, задумчив, под тенью
Лип сидели. Увидя отца Лаврентия, рыцарь
С радостным криком вскочил, и все его окружили.
Но священник был молчалив, прискорбен; хотел он
Рыцарю что-то сказать одному; но рыцарь, как будто
Весть худую предчувствуя, медлил вступить в особый
С ним разговор. Священник сказал напоследок: «Таится
Здесь мне не нужно; до всех вас касается то, что скажу я;
Слушайте ж, рыцарь. Точно ль уверены вы, что супруга
Ваша скончалась? Мне не верится это. Хоть много
Было разной молвы об ней самой и о роде
Чудном ее, — что правда, что нет, я не знаю, — но знаю
То, что она была добронравной, верной, смиренной,
Благочестивой женою; а вам я скажу, что с недавних
Пор она по ночам начала мне являться: приходит,
Плачет, ломает руку, вздыхает и все говорит мне:
«Честный отец, удержи ты его; я жива; о, спаси ты
Тело ему! о, спаси ты душу ему!..» И сначала
Сам я понять не умел, чего хотело виденье:
Вдруг посольство отсюда — и здесь я; но я не для брака
Здесь, для развода. Гульбранд, откажись от Бертальды;
Бертальда,
Рыцарь не может быть мужем тебе, им владеет другая.
116 Верьте мне, верьте, или ваш брак вам не будет на радость».

Рыцарь с досадою выслушал старца Лаврентия; долго
Спорили жарко они; напоследок патер с сердитым
Видом из замка ушел, не желая и ночи единой
В нем провести. Гульбранд, уверив себя, что священник
Был сумасброд и мечтатель, послал в монастырь, по соседству
С замком лежащий, за патером; тот без труда согласился
Брак совершить, и день для обряда был тут же назначен.

ГЛАВА XVII

о том,
как рыцарь
видел сон

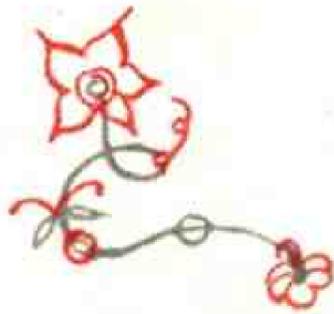
Было время меж утра и ночи, когда на постеле
Рыцарь, сонный не сонный, лежал. Уже забываться
Начал он; вдруг перед ним невидимкой ужасное что-то
Стало; и он очнулся, как будто услышав какой-то
Голос, шепнувший: к тебе подошел посетитель бесплотный;
Силиться стал он, чтоб вовсе проснуться, но вот он услышал
Снова: как будто над ним и под ним лебединые крылья
Веяли, волны журчали и пели; и он, утомленный,
В сладкой дремоте опять упал головой на подушку.
Вот, наконец, и подлинно сон овладел им; и начал
Видеть во сне он, что будто им слышанный шум лебединых
Крыльев крыльями стал, что будто его подхватили
Эти крылья и с ним над землей и водой полетели
118 С сладостным веяньем, с звонким стенанием. «Стон лебединый!

Стон лебединый! (себе непрестанно твердил поневоле
Сонный рыцарь) ведь он предвещает нам смерть». И казаться
Стало ему, что под ним Средиземное море; и лебедь,
Слышалось, пел: расступись, озарись, Средиземное море.
Вниз посмотрел он: лазурные воды стали прозрачным,
Чистым кристаллом, и мог он насквозь до самого дна их
Видеть; и там он увидел Ундину; под светлым, кристальным
Сводом сидела она и плакала горько; и было уж много,
Много в ее лице перемены; не та уж Ундина
Это была, с которою в прежнее время так счастлив
Был он в замке Рингштеттене: очи, столь ясные прежде,
Были тусклы, щеки впалы, болезнен был образ.
Все то рыцарь заметил; но ею самой он, казалось,
Не был замечен. И вот подошел к ней, рыцарь увидел,

Струй, как будто с упреком за то, что так безутешно
Плакала; тут Ундина с таким повелительным видом
Встала, что Струй перед нею как будто смутился. «Хотя я
Здесь под водами живу, — сказала она, — но с собою
Я принесла и душу живую; о чем же так горько
Плачу, того тебе никогда не понять; но блаженны
Слезы мои, как все блаженно тому, кто имеет
Верную душу». Струй, покачав головою с сомнением,
Начал о чем-то думать, потом сказал: «Ты, как хочешь,
Чванься своею живою душою, но все ты под властью
Наших стихийных законов, и все ты обязана строгий
Суд наш над ним совершить в ту минуту, когда он
Верность нарушит тебе и женится снова». — «Но в этот
Миг он еще вдовец, — отвечала Ундина, — и грустным
Сердцем любит меня». — «Вдовец, я не спорю, — со смехом
Струй отвечал, — но он и жених, а скоро и мужем
Будет; тогда уж ты, не прогневайся, с нашим посольством,
Хочешь не хочешь, пойдешь; а это посольство сама ты
Знаешь какое — смерть». — «Но знаю и то, что не можно
В замок Рингштеттен войти мне, — сказала с улыбкой Ундина: —
Камень лежит на колодце». — «А если он выйдет из замка? —
Струй возразил. — А если велит он камень с колодца
Сдвинуть? Ведь он об этих безделках забыл». — «Для того-то, —
С ясной сквозь слезы улыбкой сказала она, — и летает
Духом теперь он поверх Средиземного моря и слышит
Сонный все то, что мы с тобой говорим; я нарочно
Это устроила так, чтоб он остерегся». Приметя
Рыцаря, Струй взбесился, топнул ногой, кувыркнулся
В волны и быстро уплыл, раздувшись от ярости китом.
Лебеди снова со звоном, со стоном начали веять,
Начали реять; и снова рыцарю видеться стало,
120 Будто летит он, летит над горами, летит над водами,

Будто на замок Рингштеттен слетел и будто проснулся.
Так и было: проснулся Гильбранд у себя на постеле.
В эту минуту вошел кастелян объявить, что близ замка
Встречен был патер Лаврентий, что он в лесу недалеко
Сделал себе из сучьев шалаш и в нем поселился. —
Мне на вопрос, зачем он живет здесь, когда отказался
Рыцарев брак освятить, отвечал он: «Разве одни лишь
Браки должны освящать мы? Другие нередко обряды
Нам совершать случается. Если не мог пригодиться
Я на одно, пригожусь на другое, и жду; пированье
Может легко перейти в гореванье. Итак, кто имеет
Очи, да видит; кто уши имеет, да слышит». В раздумье
Долго рыцарь сидел, вспоминая свой сон и значенье
Слов отца Лаврентия силясь понять; но, пришедши
К милой невесте, он все позабыл, разгулялся и снова
Сделался весел, и все осталось по-прежнему в замке.

ГЛАВА XVIII

о том,
как рыцарь
праздновал
свадьбу

Если рассказывать мне, читатель, подробно, каков был
В замке Рингштеттене свадебный пир, то будет с тобою
То же, как если бы вдруг ты увидел множество всяких
Редких сокровищ, покрытых траурным флером, и в этом
Злую насмешку нашел над ничтожностью счастья земного.
Правда, в этот свадебный день ничего не случилось
Страшного в замке, — духам водяным, уж это мы знаем,
Было проникнуть в него нельзя, — но со всем тем наш рыцарь,
Гости, рыбак и даже служители были все как-то
Смутны; казалось всем, что на празднике с ними кого-то
Главного нет и что этим главным никто уж не мог быть,
Кроме смиренной, ласковой, всеми любимой Ундины.
Всякий раз, когда отворялися двери, невольно
Все на них обращали глаза и ждали; когда же

Вместо желанной являлся иль с блюдом дворецкий,

иль ключник

С кубком вина благородного, каждый печально в тарелку
Взор опускал и сидел безгласен, как будто бы в грустной
Думе о прошлом. Всех веселее была молодая;
Но и ей самой как будто совестно было
В брачном зеленом венце, в жемчугах и в богатом венчальном
Платье на первом месте сидеть, тогда как Ундина
«Трупом, еще не отпетым, на дне Дуная лежала
Или носима была без приюта морскими волнами».
Эти отцовы слова и прежде мutilи ей сердце;
Тут же они отзывались в ушах ее беспрестанно.
Рано гости оставили замок, и каждый с каким-то
Тяжким предчувствием. Рыцарь пошел к себе, молодая

Также к себе — раздеваться. Кругом новобрачной
Были прислужницы. Вот, чтоб немного свои порассеять
Черные мысли, Бертальда велела подать дорогие
Перстни, жемчужные нитки и платья, рыцарем к свадьбе
Ей подаренные; стала примеривать то и другое.
Льстя ей, прислужницы вслух восхищались ее красотой;
С видом довольным слушая их, Бертальда смотрелась
В зеркало; вдруг сказала: «Ах! боже! какая досада!
Вот опять у меня на шее веснушки; а можно б
Тотчас согнать их; стоило б только водой из колодца
Нашего раз обтереться; ах! если б мне нынче ж хоть кружку
Этой воды достали!» — «О чем же тут думать?» — сказала,
Бросившись в двери, одна из прислужниц. «Неужто успеет
Эта проказница камень поднять?» — с довольной усмешкой
Вслед за нею смотря, Бертальда подумала. Скоро
Сделался шум на дворе: с рычагами к колодцу бежали
Люди. Бертальда села подле окна и при ярком
Блеске полной луны, освещавшем двор замка, ей было
Видно все, что делалось там. Работники дружно
Двинули камень, хотя иному из них и прискорбно
Было подумать, что им теперь надлежало разрушить
То, что было приказано сделать прежнею, доброй
Их госпожою; но труд был не так-то велик, как сначала
Думали; им изнутри колодца как будто какая
Сила камень поднять помогала. Дивясь, говорили
Между собою работники: «Можно подумать, что бьет там
Сильный ключ». И в самом деле с отверстия камень
Сам собой подымался; без всякой помощи, свободно
Сдвинулся он и, со стуком глухим откатясь, повалился.
Вдруг из колодца что-то, как будто белый прозрачный
Столб водяной, поднялось торжественно, тихо. Сначала
Подлинно бьющим ключом показалось оно, но, поднявшись

Выше, каким-то бледным, в белый покров облеченным
Женским образом стало. И плача и жалобно руки
Вверх подымая, оно медлительно, шагом воздушным
Прямо к замку двигалось. В ужасе все отбежали
Прочь от колодца. Бертальда же, стоя в окне, цепенела,
Холодом страха облитая. Вот, когда поровнялся
С самым окошком идущий образ, сквозь покрывало
Он поглядел на Бертальду пронзительным оком, с тяжелым
Вздохом; и бледным лицом Ундины тогда показался
Образ Бертальде: мимо ее она, упинаясь,
Нехотя, медленно шла, как будто на суд. «Позовите
Рыцаря!» — громко вскричала Бертальда. Но все

в неподвижном

Страхе стояли на месте. Сама Бертальда, как будто
Собственным криком своим приведенная в ужас, умолкла.
Тою порою чудесная гостья приблизилась к двери
Замка, знакомую лестницу, ряд знакомых покоев
Тихо, молча, плача, прошла... о, такую ль, бывало,
Здесь видали ее? В то время еще не раздетый
Рыцарь в уборной своей стоял перед зеркалом. Тусклый
Свет проливала свеча. Вдруг кто-то легонько
Стукнул в дверь... так точно, бывало, стучалась Ундина.
«Все это призрак! — сказал он. — Пора мне в постелью». —

«В постеле

Будешь ты скоро, но только в холодной», — шепнул за дверями
Плачущий голос. И в зеркало рыцарь увидел, как двери
Тихо, тихо за ним растворились, как белая гостья
В них вошла, как чинно замо́к заперла за собою.
«Камень с колодца сняли, — она промолвила тихо, —
Здесь я; и должен теперь умереть ты». Холод, по сердцу
Рыцаря вдруг пробежавший, почувствовать дал, что минута
Смерти настала. Зажавши руками глаза, он воскликнул:

«О, не дай мне в последний мой час обезуметь от страха!
Если ужасен твой вид, не снимай покрывала и строгий
Суд соверши надо мной, мне лица твоего не являя». —
«Ах! — она отвечала, — разве еще раз увидеть,
Друг, не хочешь меня? Я прекрасна, как прежде, как в оный
День, когда твоею невестою стала». — «О, если б
Это правда была! — Гульбранд воскликнул, — о, если б
Мне хоть один поцелуй от тебя! и пускай бы
В нем умереть!» — «Охотно, возлюбленный мой», — покрывало
Снявши, сказала она; и прекрасной Ундиною, прежней
Милой, любящей, любимой Ундиною первых, блаженных
Дней предстала. И он, трепеща от любви и от близкой
Смерти, склонился к ней в руки. С небесным она поцелуем
В руки его приняла, но из них уже не пустила
Боле его; а крепче, все крепче к нему прижимаясь,
Плакала, плакала тихо, плакала долго, как будто
Выплакать душу хотела; и быстро, быстро лиясь,
Слезы ее проникали рыцарю в очи и с сладкой
Болью к нему заливались в грудь, пока напоследок
В нем не пропало дыханье и он не упал из прекрасных
Рук Ундины бездушным трупом к себе на подушку.
«Я до смерти его уплакала», — встреченным ею
Людам за дверью сказала Ундина и тихим, воздушным
Шагом по двору, мимо Бертальды, мимо стоявших
В страхе работников, прямо прошла к колодцу, безгласной,
Грустной тенью спустилась в его глубину и пропала.

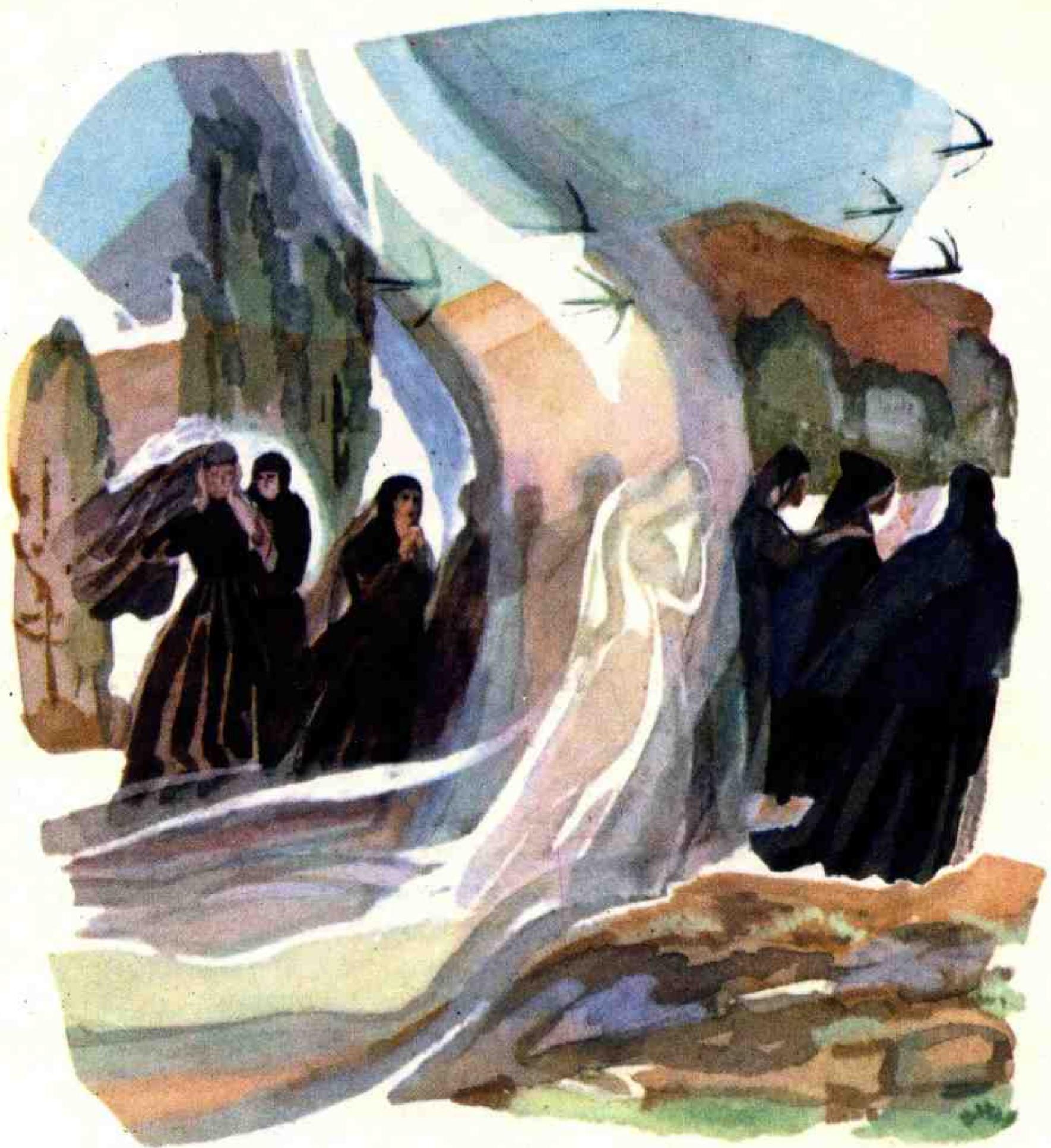
ГЛАВА XIX

о том,
как рыцарь
был погребен

Патер Лаврентий, услышав о том, как внезапно и чудно
Кончил жизнь владетель замка Рингштеттена, тотчас
В замке явился; и он, входя на двор, осененный
Липами, встретился там с монахом, недавно венчавшим
Рыцаря; в ужасе тот удалиться спешил. «Так и должно! —
Патер Лаврентий сказал. — Теперь моя наступила
Очередь; мне помощник не нужен». Хотел он невесте,
Вдруг овдовевшей, отрадное слово сказать в подкрепленье;
Но Бертальда, ему не внимая, молчала угрюмо.
Старый рыбак молился и плакал и, в горе смиряясь,
Думал: «Оно иначе и быть не могло — то господний
Суд»; и, конечно, Гульбрандова смерть никому не могла быть
Так тяжела, как именно той, которую с смертной

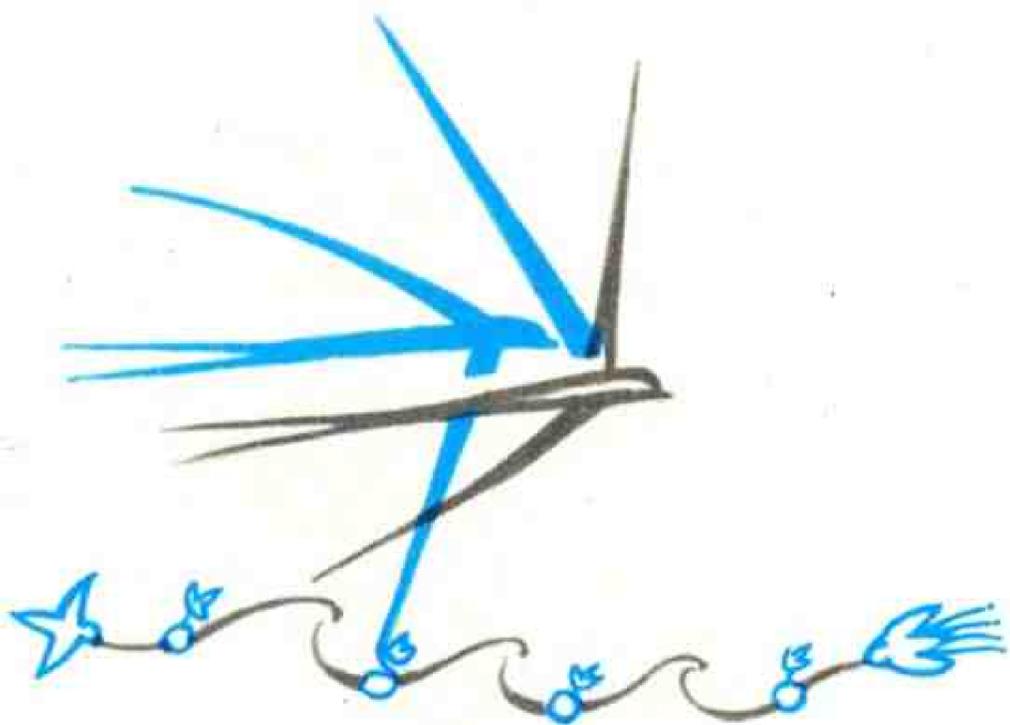
Вестью прислали к нему, отверженной, бедной Ундине.
Стали готовить обряд похоронный, как было прилично
Сану покойника: тело его положить надлежало
Подле церкви приходской, там, где были гробницы
Предков его, одаривших множеством вкладов богатых
Эту церковь. И щит и шлем уж лежали на кровле
Гроба, чтоб с ним опуститься в могилу, ибо наш рыцарь
Был последний в роде своем, который с ним вместе
Кончился весь. И ход-печальный уже начинался;
Песнь погребальная к светло-спокойной небесной лазури
Тихо всходила; с длинным крестом, во всем облаченье
Патер Лаврентий шел впереди; за ним шла Бертальда
В горьких слезах, на дряхлую руку отца опираясь.

Вдруг посреди Бертальдиных женщин, одетых в глубокий
Траур и шедших в свите ее, заметили белый
Образ, в длинном, густом покрывале, тихо идущий,
Грустно потупивши голову. Страхом проникнут был каждый,
Шедший подле такого товарища; все сторонились,
Пятились, так что порядок хода расстроился. Силой
Два смельчака хотели незванного из ряда вывести;
Но, от них ускользнувши, как легкая тень, он на прежнем
Месте явился опять и последовал тихо за гробом.
Вот напоследок он мало-помалу, меняя местом
С теми, кто в страхе спешил от него удалиться, подле
Самой вдовы очутился; но ею сначала примечен
Не был и сзади пошел смиренно-печальный. Достигнул
Ход до кладбища, и все обступили могилу. Тут в первый
Раз Бертальда незванного гостя увидела, в страхе
Стала она рукою махать, чтоб он удалился;
Но покровенный, кротко упорствуя, тряс головою,
Руки к ней простирали и как будто молил о пощаде.
Вспомнила тут невольно Бертальда Ундину, как руку
К ней она подняла на Дунае, когда ей хотела
Так добродушно подать ожерелье, и как под водами
Скрылась потом навсегда. Но в это мгновение подал
Знак отец Лаврентий, чтоб все умолкли. И стали
Гроб опускать в могилу, и мало-помалу засыпан
Был он землею. Когда же совсем был набросан могильный
Холм и читать последнюю начал молитву священник,
Стала вдова на колени, стали и все на колени,
В том числе и могильщики, кончивши насыпь. Когда же
Снова все встали... уж белый образ пропал; а на месте,
Где он стоял на коленах, сквозь травку сочился прозрачный
Ключ; серебристо вясь, он вперед пробирался, покуда
Всей не обвил могилы; тогда ручейком побежал он

Дале и бросился в светлое озеро ближней долины.
Долго, долго спустя про него тех мест поселяне
Чудную повесть любили прохожим рассказывать; долго,
Долго жило поверье у них, что ручей тот Ундина,
Добрая, верная, слитая с милым и в гробе Ундина.

СОДЕРЖАНИЕ

В. В а ж д а е в. «Его стихов пленительная сладость...»	4
Г л а в а I	
о том, как рыцарь приехал в хижину рыбака	6
Г л а в а II	
о том, как Ундина в первый раз явилась в хижине рыбака	14
Г л а в а III	
о том, как была найдена Ундина	22
Г л а в а IV	
о том, что случилось с рыцарем в лесу	28
Г л а в а V	
о том, как рыцарь жил у рыбака в хижине	38
Г л а в а VI	
о том, как рыцарь женился	44
Г л а в а VII	
о том, что случилось в свадебный вечер	52
Г л а в а VIII	
о том, что случилось на другой день свадьбы	56
Г л а в а IX	
о том, как рыцарь и его молодая жена оставили хижину	62

Глава X	
о том, как они жили в имперском городе	68
Глава XI	
о том, что случилось на именинах Бертальды	72
Глава XII	
о том, как рыцарь и Ундина уехали из имперского города	80
Глава XIII	
о том, как они жили в замке Рингштеттене	86
Глава XIV	
о том, как отыскалась Бертальда	96
Глава XV	
о том, как они ездили в Вену	106
Глава XVI	
о том, что после случилось с рыцарем	112
Глава XVII	
о том, как рыцарь видел сон	118
Глава XVIII	
о том, как рыцарь праздновал свадьбу	122
Глава XIX	
о том, как рыцарь был погребен	128

Р1
Ж86

Жуковский В. А.

Ж86 Ундина: Старинная повесть/Худож. И. Бруни. — М.: Сов. Россия, 1979. — 136 с.

Ж $\frac{70803-244}{M-105(03)79}$ 183—79 4803010100

Р1

Для детей среднего школьного возраста

Василий Андреевич Жуковский

УНДИНА

Редактор *М. В. Долотцева*

Художественный редактор *М. В. Таирова*

Технический редактор *И. И. Капитонова*

Корректор *Н. Д. Бучарова*

ИБ № 1699

Сдано в набор 01.03.78. Подписано в печать 22.04.79. Формат 70×84/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. п. л. 9,18. Уч.-изд. л. 6,44. Тираж 100 000 экз. Заказ № 226. Цена 85 к. Изд. инд. ЛД—195.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, пр. Сапунова, 13/15. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·

B·A·K·K·K·B·C·K·M·N·O·X·H·I·A